Г.В. Балицкий

Зарождение периодической печати в России.

Тир.7000

Г. В. Балицкій.

Зарожденіе періодической печати въ Россіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

Тир.

Г. В. Балицкій.

ЗАРОЖДЕНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

въ

РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1908 годъ.

I.

Вѣдомости времени Петра Великаго.

1.

Начало нашего перваго печатнаго періодическаго органа давно занимало изслѣдователей и по этому вопросу не мало было высказано догадокъ и предположеній. Однако онѣ всѣ были далеко неудовлетворительными. Только недавно окончательно и достовѣрно удалось опредѣлить день выхода въ свѣтъ перваго номера русской газеты. Этотъ знаменательный день является *2-ымъ января 1703 года.*

Намъ трудно теперь, когда газета читается всякимъ мало мальски грамотнымъ, представить то время, когда не было ни газетъ, ни журналовъ, ни телеграфа и телефона. Трудно представить, какъ люди жили, какъ они узнавали хотя бы о выдающихся событіяхъ своей родины и за ея предѣлами. Поэтому невольно обращаешься ко времени до появленія петровской газеты и ищешь тамъ, нѣтъ-ли чего похожаго на газету и въ то время. И вотъ въ такихъ поискахъ мы какъ будто наталкиваемся на слѣдъ, по которому пришли „Вѣдомости времени Петра“; въ „курантахъ“ мы хотимъ видѣть ихъ предшественниковъ. Нечего говорить, что одного желанія еще мало; надо посмотрѣть, можемъ ли мы въ нихъ видѣть хотя бы намекъ на газету. Если у насъ мало изслѣдована исторія первой русской газеты—а въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, желающій познакомиться поближе съ „Вѣдомостями времени Петра“, то еще меньше мы имѣемъ данныхъ по исторіи и значенію „курантовъ“. Появившійся второй выпускъ „Вѣдомостей“ въ изданіи Синодальной типографіи въ этомъ отношеніи приподнимаетъ завѣсу и даетъ достаточный матеріалъ. Посмотримъ, что

же мы можемъ оттуда почерпнуть и къ какому результату приведетъ изслѣдованіе этого матеріала?

Редакторъ второго выпуска приходитъ къ тому заключенію, что „куранты“ были несомнѣнно русской рукописной газетой и прототипомъ для печатной. Куранты онъ называетъ не иначе, какъ „газетой“. „Хранящіяся въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ—говоритъ онъ—рукописныя русскія газеты начинаются съ 1621 года. Итакъ этотъ годъ можно считать началомъ русскихъ газетъ, хотя и послѣ него есть пробѣлы“ [1]).

Такъ ли это? Можно ли согласиться съ этимъ выводомъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, нужно выяснить, что такое газета? Какимъ требованіямъ она должна отвѣчать и каковы ея характерныя черты, отличающія ее отъ частнаго, напримѣръ, письма, отъ офиціальнаго приказа, наконецъ, отъ протокола какого-либо засѣданія. Не претендуя на полноту отвѣтовъ, мы должны прежде всего сказать объ аудиторіи, для которой предназначается тотъ или иной печатный трудъ—о его читателѣ. Несомнѣнно, что существованіе газеты обусловливается прежде всего читателемъ. Онъ можетъ быть многочисленный или нѣтъ, газета можетъ быть разсчитана на „широкую публику“ или спеціалистовъ (напримѣръ, экономическая газета, военная и т. п.), но безъ читателя она не мыслима. Подъ читателемъ надо понимать непремѣнно *безличную публику*, хотя бы это и были извѣстные по именамъ подписчики. Безличность ея заключается въ томъ, что подписчики не были извѣстны первоначально, а также въ томъ, что къ нимъ можетъ присоединяться во всякую минуту каждый пожелавшій, и ему никто не можетъ въ этомъ воспрепятствовать. Въ этомъ вся разница газеты отъ частнаго письма. Послѣднее тоже можетъ представлять собою газету, въ отдѣльномъ ли оттискѣ или какъ часть номера, т. е. частное письмо тоже можетъ быть достояніемъ безличной публики; но разница въ томъ, что частное письмо можетъ появиться на свѣтъ лишь съ согласія автора или адресата, газета же предназначается уже непремѣнно для читателя, въ то время какъ письмо адресуется только извѣстному лицу.

Нельзя сравнить газету и съ офиціальнымъ документомъ, приказомъ, манифестомъ и проч.; послѣдній тоже предназначается для безличнаго читателя, но онъ опубликовывается или какъ обязательное руководство, или какъ непремѣнное для всѣхъ свѣдѣніе, незнаніемъ котораго въ случаѣ нарушенія нельзя отговариваться; газета же преподносится читателю

[1]) Вѣд. вр. Петра. Вып. второй. Изд. Синод. тип. 1906 г., 11—12 стр.

единственно для его любопытства, для его добровольнаго желанія узнать, что дѣлается на „бѣломъ свѣтѣ". Если въ настоящее время чтеніе газетъ и освѣдомленность считается для извѣстной части народа обязательной, то это лишь вызвано посторонними причинами, а не самой газетой, какъ знаніе, напримѣръ, указа обязательно съ его появленія. Мы уже не говоримъ о такихъ обязательныхъ для нашего времени признакахъ газеты, какъ ея періодичность и другіе.

Вотъ почему, категорически отрицая возможность видѣть въ частныхъ, хотя бы и обширныхъ и крайне интересныхъ письмахъ начало прототипа нашей первой газеты, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію той позиціи, которую „куранты" занимали къ поднятымъ вопросамъ.

Для кого составлялись куранты? Кто былъ ихъ читателемъ? На эти вопросы отвѣтить намъ очень легко, такъ какъ мы имѣемъ достаточно матеріала на страницахъ самихъ же „курантовъ". Обыкновенно на нихъ отмѣчалось, что „государю чтено", или „государю чтено и боярамъ", или „1677 г. сентября въ 1 великому государю чтено въ комнатѣ, а бояре слушали въ передней"; „1677 года сентября въ 9 великому государю чтено въ комнатѣ, при комнатныхъ боярахъ, челъ думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ". Эти записи такъ краснорѣчивы, что совершенно не допускаютъ разногласій. „Куранты" предназначались лишь для царя. Онъ же въ силу того, что внутреннее управленіе Россіи и внѣшнія сношенія съ сосѣдними государствами не могли происходить единоличными силами царя, а лишь при содѣйствіи различныхъ приближенныхъ къ нему сановниковъ (тогдашнихъ бояръ), принужденъ былъ почти всегда приглашать къ такому чтенію и ихъ, чтобы и они были освѣдомлены и поступали соотвѣтственно требованіямъ жизни и сообразно происходившимъ событіямъ. Главная же суть въ томъ, что *царь былъ воленъ приглашать бояръ или не приглашать къ чтенію курантовъ*. Отъ воли бояръ не зависѣло всегда присутствовать на чтеніи „курантовъ". На одно такое чтеніе царь звалъ однихъ бояръ, а на второе они могли и не получить приглашенія. Все зависѣло отъ желанія и воли царя. И въ приведенныхъ надписяхъ мы видимъ это различіе. Одинъ разъ присутствуютъ лишь „комнатные бояре", а другой разъ бояре безъ указанія, какіе именно. Очень часто случалось, что царь слушалъ „куранты" и безъ бояръ.

Кругъ читателей „курантовъ" не распространялся дальше царя и его приближенныхъ, даже мѣсто чтенія ихъ *не выходило за предѣлы дворца*. На то, что „куранты" появлялись въ народѣ, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, напротивъ, мѣры, которыя принимались для ихъ

охраны отъ гласности, указываютъ, что они не попадали ни въ коемъ случаѣ въ народъ. Кильбергеръ, бывшій въ Москвѣ со шведскимъ посольствомъ въ 1674 году, говоритъ, что „по приходѣ почты пакеты посылаются тотчасъ въ замокъ (кремль), въ посольскій приказъ и тамъ распечатываются для того, чтобы *ни одинъ частный человѣкъ не узналъ* прежде двора того, что происходитъ внутри государства и за границею, а болѣе всего для того, чтобы каждый остерегался писать что-нибудь непозволительное и для государства вредное; съ почтой приходятъ и другія, какъ печатныя, такъ и письменныя вѣдомости... онѣ всегда переводятся на русскій языкъ и читаются царю“. Такъ куранты охранялись отъ гласности; и когда однажды въ посольскомъ приказѣ пропали рукописи такихъ курантовъ, поднялся страшный переполохъ.

Все это вмѣстѣ взятое достаточно убѣждаетъ, что на куранты смотрѣли, какъ *на государственную тайну*, на *дѣло государево*, какъ на государственные акты, т. е. куранты не удовлетворяютъ главному условію, чтобы назваться газетой—у нихъ не было гласности, они предназначались опредѣленному, конкретному лицу—царю, а не безличной публикѣ.

Къ тому же выводу насъ приводятъ источники и содержаніе курантовъ. Источникомъ курантовъ являются главнѣйшимъ образомъ иностранныя газеты. Сначала эти газеты получаются очень неаккуратно и даже прямо случайно: то какой-нибудь новгородскій купецъ привезетъ съ собой нѣсколько номеровъ, то польскій или нашъ посолъ пришлетъ изъ-за границы, то иностранецъ-путешественникъ случайно завезетъ—все это охотно принималось и дорого оплачивалось, такъ какъ дворъ и правительство прямо нуждались въ свѣдѣніяхъ объ иностранной жизни. Кромѣ газетъ, источникомъ для курантовъ служили различныя устныя и письменныя „вѣсти“, доходившія или случайно, или отъ спеціально посланныхъ людей „провѣдывать о разныхъ въ Европѣ военныхъ дѣйствіяхъ и мирныхъ постановленіяхъ“, вообще обо всемъ, „что нынѣ въ нѣмецкихъ государствахъ дѣлается“. О существовании такихъ провѣдывателей у насъ сохранились довольно опредѣленныя свѣдѣнія. Но всѣ эти свѣдѣнія и газеты были очень случайны, а близость и общность съ западомъ чувствовалась все болѣе и болѣе. Правительство озаботилось о постоянной доставкѣ свѣдѣній. Съ этой цѣлью было заключено въ 1665 году условіе со Сведеномъ, чтобы онъ привозилъ изо всѣхъ „земель всякія вѣсти по времени, что въ тѣхъ царствахъ и городахъ дѣется воинскихъ и торговыхъ и иныхъ

всякихъ дѣлъ". Въ 1667 году любецкій купецъ старается получить такую же миссію, прося за нее 3—4 тысячи ефимковъ, такъ какъ „нѣкоторый князь въ нѣмецкой землѣ, который далеко къ его царскому Величеству не примѣненъ, на годъ отъ него за такія посылки и вѣсти исходитъ по 2.000 и по 3.000 ефимковъ", а главное потому, что „въ томъ дѣлѣ (доставкѣ свѣдѣній) *немалое надлежитъ его царскому Величеству и великимъ думнымъ его* черезъ такіе вѣдомые пересылки".

Такова цѣль огромныхъ затратъ и заботъ о полученіи газетъ и свѣдѣній для „курантовъ"; въ нихъ „надлежитъ" „немалая нужда" по управленію Россіей и въ сношеніяхъ съ иностранными государствами „*его царскому Величеству и великимъ думнымъ его*". Отсюда опредѣляется и содержаніе „курантовъ". Царю дѣлаются выдержки изо всего доставляемаго матеріала и прежде всего съ новостями дипломатическаго и политическаго характера: смерть короля, рожденіе наслѣдника престола въ какомъ-либо государствѣ, смѣна правительства, перемѣна правленія, войны или мирные договоры и переговоры, побѣды и пораженія. Встрѣчаются часто и упоминанія о нѣкоторыхъ явленіяхъ изъ жизни природы—сильныя грозы, ураганы, затменія, наводненія, землетрясенія, голодъ, болѣзни и т. п. Эта часть курантовъ была отнюдь не для празднаго любопытства; она въ глазахъ тогдашняго читателя была очень важной. Суевѣрный и трусливый читатель боялся появленія какой-либо кометы или звѣзды. Стоило ей только появиться, какъ онъ уже гадалъ и придумывалъ, что это означаетъ, что предвѣщаетъ. Появленіе голода въ странѣ или наводненіе толковалось, какъ Божеское наказаніе за грѣхи народа, и сейчасъ же придумывалось, какіе могутъ быть грѣхи за нимъ и т. д. Словомъ эта часть была, пожалуй, для правительства въ равной мѣрѣ важной, какъ и часть политическая.

Въ курантахъ мы находимъ описаніе русскихъ событій. Можетъ показаться, что эти извѣстія брались изъ иностранныхъ газетъ единственно для любопытства. Однако такое мнѣніе было бы очень ошибочно. Какъ въ курантахъ, такъ и въ настоящихъ газетахъ XVIII вѣка, мы много находимъ выдержекъ изъ иностранныхъ газетъ о Россіи, и онѣ брались для того, чтобы царь могъ знать, какъ думаютъ о насъ за границей, что говорятъ о немъ, о его правленіи, о Россіи. Уже въ то время наши цари и наше правительство сильно начало прислушиваться къ голосу и мнѣнію Запада. Такимъ образомъ и со стороны содержанія куранты разнятся отъ газеты, а главное они отличаются цѣлью, съ какой это содержаніе сообщалось—оно должно быть руко-

водствомъ въ государственной дѣятельности правительства, оно должно руководить дипломатическими сношеніями, торговыми договорами и условіями. Именно этими государственными требованіями вызваны куранты къ жизни. Такой характеръ и такое же значеніе они сохранили до появленія первой русской газеты.

Если мы возьмемъ внѣшнюю сторону курантовъ, т. е. ихъ составленіе, то увидимъ, что все, что относится къ нимъ — всѣ челобитныя, всѣ справки, всѣ допросныя рѣчи, всѣ договоры—все это направлялось и адресовалось на имя царя, рѣже—въ посольскій приказъ или приказъ тайныхъ дѣлъ.

Съ появленіемъ правильныхъ посольскихъ миссій при иностранныхъ дворахъ, куранты были замѣнены донесеніями пословъ, а отчасти и „Вѣдомостями времени Петра“; послѣднимъ не мѣшало исполнять это назначеніе, оставаясь первой русской газетой въ полномъ смыслѣ этого слова. Этого факта не могутъ поколебать ни появившіеся въ частныхъ спискахъ отрывки изъ курантовъ, ни единство въ составленіи курантовъ и вѣдомостей [1]), ни исторія газетъ на западѣ.

Вѣдь отрывки изъ курантовъ могли попасть въ частные списки по болтливости приближеннаго боярина, который разболталъ какую-нибудь новость, сообщенную ему изъ курантовъ во дворцѣ; онъ даже могъ самъ записать услышанное лично для себя, чтобы не забыть; наконецъ, частный списокъ могъ только совпадать съ извѣстіемъ въ курантахъ, а попасть туда изъ иностранныхъ же газетъ, которыя получались иностранцами или завозились купцами и путешественниками и попадали въ частныя руки [2]). Что касается процесса составленія „Вѣдомостей“ и курантовъ, которое находилось въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, такъ это еще нисколько не можетъ ихъ отожествить: изъ-подъ одного и того же пера можетъ выходить и номеръ газеты, и секретное частное письмо.

Ко всему сказанному надо добавить, что куранты составлялись въ одномъ экземплярѣ. Какимъ образомъ эту офиціальную бумагу можно считать газетой, печатающейся и расходящейся во множествѣ, — мы положительно не понимаемъ. Очевидно, это можно сдѣлать лишь подъ вліяніемъ нашего непониманія, какъ жили люди безъ газетъ, и въ силу желанія во всемъ видѣть ихъ подобіе.

---

[1]) Куранты и Вѣдомости времени Петра первое время составлялись въ посольскомъ приказѣ.

[2]) На это у насъ есть прямыя доказательства.

Исторія газеты на западѣ также едва ли можетъ насъ смущать, такъ какъ жизнь въ Россіи далеко не шла тѣмъ путемъ, какимъ она течетъ на западѣ; очень многое она брала уже прямо въ готовомъ видѣ. Частныя письма, отъ которыхъ беретъ свое начало газета на западѣ, у насъ не могли играть такой роли, какъ за границей. У насъ не была развита такъ сильно частная переписка, какъ тамъ. У насъ слишкомъ мало умѣли излагать свои мысли, да въ большинствѣ случаевъ и побаивались это дѣлать. При томъ сыскѣ, который царилъ и раньше, при существованіи почти всегда „слова и дѣла" у насъ трудно было развиться политической перепискѣ; при томъ и грамотныхъ было крайне мало. Когда же мало-мальски научились писать, то не умѣли излагать своихъ мыслей. Припомнимъ хотя бы знаменитую книжку „Приклады", расходившуюся въ большомъ количествѣ, и мы поймемъ все ничтожное значеніе частной переписки у насъ.

И мы остановились на курантахъ не потому, что мы желали бы въ нихъ видѣть предшественниковъ первой печатной газеты, а потому, что у нѣкоторыхъ есть тенденція выдать ихъ за газету, и въ силу этого мы не могли обойти этого вопроса молчаніемъ: но, какъ оказывается, этому желанію куранты не могутъ удовлетворить, и первоисточникъ „Вѣдомостей времени Петра" надо искать среди заграничной періодической печати. Какъ и многое другое, образецъ для газеты мы взяли прямо готовымъ съ Запада. До своего появленія 2-го января 1703 года газета не имѣла себѣ предшественника и, вступивъ на русскую почву уже въ сформировавшемся видѣ, она здѣсь продолжала на протяженіи тяжелой 200-лѣтней жизни дальнѣйшую эволюцію, далеко еще не закончившуюся.

2.

Появленіемъ первой русской газеты мы обязаны исключительно Петру Первому.

Сознавая всю трудность и громадность своего плана преобразованія Россіи и желая возможно шире распространить среди русскихъ сознаніе необходимости реформъ и познакомить ихъ съ жизнью Запада, откуда черпались всѣ реформы и на который смотрѣли, какъ на царство дьявола и безбожія, Петръ внесъ печатную газету и въ русскую жизнь. Еще задолго до ея появленія Петръ самъ лично убѣдился въ силѣ печати и старался деньгами привлечь иностранныя газеты на свою сторону. Тѣмъ болѣе онъ нуждался въ такомъ орудіи внутри государства для привлеченія народнаго мнѣнія, которое далеко не

было на сторонѣ Петра, чтобы не сказать, что оно было прямо враждебно Петру.

16-го декабря 1702 года былъ изданъ указъ: „по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія Московскаго и окрестнаго государства людямъ, печатать куранты, а для напечатанія тѣхъ курантовъ, вѣдомости, въ которыхъ приказахъ о чемъ нынѣ какія есть и впередъ будутъ, присылать изъ тѣхъ же приказовъ въ монастырскій приказъ, безъ молчанія и изъ монастырскаго приказа тѣ вѣдомости отсылать на печатный дворъ“.

Этимъ указомъ было положено начало нашей періодической печати, а непосредственнымъ слѣдствіемъ его является—„юрналъ или поденная роспись, что въ мимошедшую осаду подъ крѣпостью Нотебурха сентября 26 числа въ томъ 1702 году чинилось“; онъ вышелъ 27-го декабря 1702 года. Тогда же было составлено нѣсколько пробныхъ номеровъ „Вѣдомостей“, которыя, впрочемъ, не вышли въ свѣтъ, а лишь частями вошли въ номеръ 1703 года. Въ этихъ рукописныхъ пробныхъ номерахъ разрѣшился послѣдній споръ о началѣ „Вѣдомостей“. Дѣло въ томъ, что въ одномъ изъ номеровъ 1703 года говорится, что въ прежнемъ (не указано, въ какомъ именно) номерѣ было приведено извѣстіе объ открытіи въ Сибири желѣза. Между тѣмъ въ номерахъ 1703 года этого извѣстія не находимъ. Опираясь на это, академикъ Гамель предполагаетъ, что, слѣдовательно, „Вѣдомости издавались и въ 1702 году, а можетъ быть и раньше“. Теперь же ясно, что такое извѣстіе существуетъ въ пробномъ номерѣ, *первый же печатный номеръ нашей газеты вышелъ 2-го января 1703 года.*

Слѣдующій документъ, имѣющій большой интересъ въ исторіи нашей газеты, совершенно уничтожаетъ всякія дальнѣйшія недоразумѣнія о началѣ нашей періодической печати.

Вслѣдъ за указомъ 16-го декабря въ московскую типографію былъ присланъ указъ: „1702 года декабря въ 15 день Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ указалъ по имянному своему великаго Государя указу: Куранты, по нашему „Вѣдомости“, которые присылаются изъ разныхъ государствъ и городовъ въ Государственный Посольскій и въ иные приказы, изъ тѣхъ приказовъ присылать тѣ вѣдомости въ приказъ книгъ печатнаго дѣла, а какъ тѣ вѣдомости присланы будутъ и еще на печатномъ дворѣ печатать и тѣ печатныя вѣдомости, что останется за подносомъ—продавать въ міръ по надлежащей цѣнѣ. Дьякъ Матвѣй Власовъ Великаго Государя указъ ска-

залъ и въ книгу приказовъ записалъ бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ“ [1]).

Пробные номера имѣютъ заголовокъ: „Вѣдомости Московскаго государства“; послѣ онъ встрѣчается тамъ, гдѣ внутреннія извѣстія занимаютъ весь номеръ газеты или преобладаютъ надъ иностранными. Но уже первый номеръ вышелъ подъ простымъ названіемъ „Вѣдомости“; это измѣненіе несомнѣнно произошло отъ того, что въ первомъ же номерѣ, хотя и въ концѣ, помѣщены иностранныя извѣстія.

Заголовокъ „Вѣдомости“ сохранялся довольно долго; лишь когда номеръ состоялъ изъ однихъ русскихъ извѣстій, то названіе измѣнялось на „Вѣдомости Московскія“ или „Вѣдомость Московская“. Иногда „Вѣдомости“ имѣютъ совсѣмъ особое названіе, приноровленное къ событію, въ нихъ оповѣщаемому; напримѣръ № 31 за 1705 годъ носитъ названіе „Подлинное доношеніе“; другіе—„Вѣдомость о литовской осадѣ“ или „Вѣдомость о Боушской осадѣ“ или „Реляція“; въ концѣ существованія „Вѣдомостей“ находимъ названіе „Россійскія Вѣдомости“, или „эссенція изъ французскихъ печатныхъ газетовъ“, „квинтэссенція изъ Лейденскихъ газетовъ“; но бывали случаи, что Вѣдомости выходили совсѣмъ безъ заглавія. Настоящій, такъ сказать, ихъ титулъ слѣдующій: „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ значенія и памяти, случившихся въ Московскомъ Государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ“ [2]).

Изданіе „Вѣдомостей“ началось въ Москвѣ и продолжалось здѣсь до 1711 года. Въ 1710 году царь счелъ необходимымъ устроить типографію и въ Петербургѣ. Ему необходимо было имѣть у себя подъ рукой орудія издательской дѣятельности, такъ сильно занимавшей вниманіе Петра. Онъ пишетъ Мусину-Пушкину отъ 29-го октября: „Станокъ друкарный съ новыми литерами извольте сюда прислать по первому зимнему пути со всѣмъ, что къ нему принадлежитъ также и людьми“ [3]). Согласно этому приказу въ 1711 году изъ Московской типографіи были отправлены въ Петербургъ 4 наборщика, 2 тередорщика, 2 батырщика и съ ними одинъ станокъ съ гражданскими буквами, да гравировальный станокъ съ мастерами и печатниками [4]).

Тотчасъ по открытіи типографіи въ Петербургѣ, туда же были переведены и „Вѣдомости“. 11-го мая 1711 года уже вышелъ первый

[1]) Вѣдомости времени Петра, вып. II, стр. 61.

[2]) Здѣсь же приписывалось мѣсто и время изданія номера.

[3]) *Пекарскій.* Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Велик., т. II, стр. 656.

[4]) Тамъ же.

номеръ ихъ въ Петербургѣ. Однако еще нѣсколько лѣтъ большее количество ихъ выходило въ Москвѣ. Лишь съ 1714 года количество номеровъ петербургскихъ стало превышать московскіе. Съ этого года газета выходитъ главнымъ образомъ въ Петербургѣ, и лишь нѣкоторые номера перепечатывались въ Москвѣ. Мы можемъ съ точностью указать мѣсто изданія относительно почти всѣхъ номеровъ, такъ какъ оно стояло на каждомъ номерѣ; кромѣ того мы еще имѣемъ письма кабинетъ-секретаря Макарова къ директору С.-Петербургской типографіи Аврамову. Въ одномъ изъ такихъ писемъ Макаровъ пишетъ: „Посылаю Вамъ реестръ, который велите напечатать для вѣденія въ народъ, также извольте такие же вѣдомости і къ Москвѣ на печатный дворъ посылать чтобъ і тамъ печатали, о чемъ я къ вамъ і на прошлой почте писалъ. Слуга вашъ А. Макаровъ августа въ 7 день 1719 года“ [1]).

Но перепечатываніе номеровъ въ Москвѣ происходило далеко не всегда. Перепечатывались номера, наиболѣе казавшіеся интересными и важными; большею частью это дѣлалось съ „реляціями“, такъ какъ ихъ содержаніе было важно сообщить въ обѣихъ столицахъ. Встрѣчаются номера, которые выходили или только въ Петербургѣ, или только въ Москвѣ безъ перепечатокъ. Въ 1722 и 1723 гг. „Вѣдомости“ переведены опять въ Москву и выходили только тамъ.

„Вѣдомости“ печатались на восьмушкѣ почти безъ полей мелкимъ церковнымъ шрифтомъ, „каковое печатаніе,—говорится въ одномъ документѣ,—«Вѣдомостей и юрналовъ» производилось по 1708 годъ церковнымъ шрифтомъ“, такъ какъ, прибавимъ, другого шрифта въ то время не было. Лишь въ 1708 году Петръ указалъ напечатать „новоизобретенными амстердамскими литерами разнаго знанія гражданскія книги“.

Этотъ новый гражданскій шрифтъ привезенъ изъ Амстердама въ 1707 году словолитцемъ Антономъ Демей, который, кромѣ шрифта, привезъ съ собою „пушоны, матрицы и формы, да два стана на ходу со всякимъ управленіемъ“. И уже 14-го января 1708 года было приступлено къ напечатанію книгъ новымъ шрифтомъ. Первый же номеръ газеты, напечатанный гражданскимъ шрифтомъ, вышелъ 1-го февраля 1710 года, т. е. 2-ой № этого года. Церковный шрифтъ съ этого времени встрѣчается лишь въ реляціяхъ: соотвѣтственно ихъ важ-

---

[1]) *В. Погорѣловъ.* Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 г., стр. 43. Орѳографія почти вездѣ сохранена подлинника.

ности и обстановка выбиралась подходящая. Удержаніе газетой церковнаго шрифта на протяженіи двухъ лѣтъ надо объяснять тѣмъ, что типографіи наши въ то время располагали весьма скудными средствами печатнаго дѣла; а между тѣмъ Петръ неустанно занимается огромнымъ по тому времени издательствомъ; волей неволей, а приходилось употреблять и для Вѣдомостей старый церковный шрифтъ.

Листы „Вѣдомостей" нумеровались лишь тѣ, которые заключали въ себѣ болѣе двухъ, т. е. болѣе 4-хъ страницъ; самые выпуски нумеруются только съ 1705 года, и цифра эта помѣщается въ концѣ текста первой страницы.

Кто составлялъ „Вѣдомости" и откуда брался для нихъ матеріалъ? Это весьма интересные, но трудно поддающіеся рѣшенію вопросы. Однако мы попытаемся хотя нѣсколько разобрать тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ въ архивахъ и на самихъ (рукописныхъ корректурахъ или оригиналахъ) „Вѣдомостяхъ".

Изданіе „Вѣдомостей времени Петра" находилось въ зависимости отъ нѣсколькихъ учрежденій; это вытекало изъ самаго указа 16-го декабря. Въ немъ говорится:.. „вѣдомости, въ которыхъ приказахъ о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ, присылать изъ тѣхъ приказовъ въ монастырскій приказъ", другими словами монастырскій приказъ играетъ пассивную роль, въ то время какъ отъ воли другихъ приказовъ и учрежденій зависитъ, присылать свѣдѣнія для газеты или нѣтъ. Монастырскій приказъ былъ лишь центральнымъ мѣстомъ; не пожелай другіе приказы давать извѣстій, и Вѣдомости прекратятъ свое существованіе, что и случилось въ дѣйствительности, какъ мы увидимъ ниже.

Указъ 16-го декабря исполнялся приказами довольно неохотно. Мы очень рѣдко можемъ встрѣтить какое-нибудь извѣстіе, присланное для напечатанія въ Вѣдомостяхъ. Очевидно, приказы не считали свою дѣятельность достойной интереса русскихъ или же предпочитали молчаливую и безгласную отписку входящихъ и исходящихъ бумагъ.

Совсѣмъ иное положеніе занимаетъ посольскій приказъ и позже коллегія иностранныхъ дѣлъ. Ея дѣятельность для первой газеты такова, что едва-ли бы Вѣдомости могли существовать, если бы не эта дѣятельность. Рѣдкій номеръ выходилъ безъ матеріала, доставленнаго посольскимъ приказомъ, и масса номеровъ содержитъ лишь этотъ матеріалъ. Такимъ образомъ главный матеріалъ первой русской газеты составляютъ иностранныя извѣстія. Послѣднія выбирались изъ заграничныхъ газетъ, во множествѣ получавшихся въ посольскомъ приказѣ,

и переводились для газеты. Заслуга передъ нашей печатью этого приказа огромная. И переводчикъ впослѣдствiи вполнѣ вѣрно опредѣлилъ его дѣятельность. Жалуясь на молчанiе другихъ коллегiй, онъ пишетъ: „Указано вѣдомости изъ всѣхъ коллегiй, а не изъ одной нашей, которая *трудолюбивая* и *милостивая* пожелала Вамъ вѣдомостями служить за всѣ канцелярiи же“ [1]). Эти слова, повторяемъ, вполнѣ точно опредѣляютъ положенiе вещей и заслугу коллегiи иностранныхъ дѣлъ; въ то время какъ другiя предпочитали молчать, она неустанно доставляла матерiалъ для газеты.

Однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Вѣдомостей былъ Петръ Великiй. Его генiальность и неутомимость позволяли постоянно слѣдить за газетой и самому принимать въ ней участiе. Въ синодальной библiотекѣ есть не одинъ номеръ съ корректурой самого Петра; онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы прислать какое-нибудь извѣстiе для газеты въ видѣ-ли донесенiя военачальника о побѣдѣ надъ непрiятелемъ, въ видѣ-ли сообщенiя культурнаго характера.

Для русской повременной печати прямо знаменательны такiя, напримѣръ, надписи на листахъ первой газеты: „изъ кабинета Его Императорскаго Величества въ Санктпитербургскую типографiю для напечатанiя въ газеты симъ сообщаетца“, или—„сей переводъ присланъ отъ великаго государя за его царскимъ правленiемъ“. Кромѣ того, въ Вѣдомости вошло не мало собственноручныхъ писемъ Петра; такъ напримѣръ, номеръ шестой за 1708 годъ состоитъ исключительно изъ его писемъ, заключая въ себѣ цѣлыхъ три. Многiя письма вошли въ основанiе русскихъ извѣстiй или статей.

Такими же добровольными сотрудниками Вѣдомостей были и нѣкоторые изъ сподвижниковъ Петра. Обыкновенно всѣ реляцiи, донесенiя объ успѣхѣ нашего оружiя составлялись непосредственно начальствующими лицами и присылались для напечатанiя прямо изъ похода. Въ доказательство сказаннаго мы приведемъ письмо Головкина къ Мусину-Пушкину..

„Мой государь, Иванъ Алексѣевичъ—писалъ онъ. На прошедшей почтѣ съ Кирѣевскимъ послалъ я къ милости Вашей реляцiю, какова здѣсь сочинена о бывшемъ воинскомъ походѣ, о бою съ турки и о постановленiи мира... а понеже потомъ господинъ генералъ Ренъ прислалъ реляцiю о взятiи того города со обстоятельствами, того ради оную я при семъ къ милости Вашей посылаю и когда будете тѣ ре-

[1]) *Погорѣловъ*. Матерiалы и оригиналы Вѣдомостей.

ляціи печатать, то прежнюю о Браилѣ отмѣнить, вмѣсто той печатать приказать. Слуга Головкинъ. Изъ обозу отъ Могилева 1708 г.“

Къ той же категоріи сотрудниковъ надо причислить и русскихъ пословъ при иностранныхъ дворахъ, донесенія которыхъ нерѣдко попадали на страницы Вѣдомостей. Донесенія ихъ касаются, впрочемъ, не только русскихъ дѣлъ, но и событій въ другихъ государствахъ, которыми въ извѣстное время особенно интересовался Петръ или которыя такъ или иначе затрагивали интересы Россіи. Изъ западныхъ государствъ такими во время Петра были Польша, Швеція и Данія, изъ южныхъ—Турція. О жизни этихъ странъ болѣе всего встрѣчается донесеній нашихъ пословъ, которыя напечатаны въ Вѣдомостяхъ.

Однако этими добровольными сотрудниками газета существовать не могла. Ощущался, и очень сильно, недостатокъ въ правильной организаціи.

Молчаніе приказовъ и коллегій обратило, наконецъ, вниманіе директора петербургской типографіи Аврамова, и онъ 15-го іюля 1719 года дѣлаетъ запросъ Макарову: „раболѣпно прошу, изволь ко мнѣ, мой государь, отписать: однѣ-ли печатать чюжестранныя вѣдомости, которыя изъ курантовъ и присылаются изъ посольской канцеляріи или сообщать со оными и о своихъ публичныхъ дѣлахъ и о строеніяхъ, которыхъ здѣсь довольно. И ежели позволитъ (царь?), то позвольте отписать до Графа Ивана Алексѣевича, чтобы въ сенатъ и въ коллегіи о томъ отъ себя писали, дабы о публичныхъ дѣлахъ въ типографіи пріобщали, понеже по словеснымъ моимъ запросамъ ничего не успѣю“ [1]).

Въ планы Петра никакъ не могло входить уничтоженіе русскаго отдѣла въ его газетѣ, и, очевидно, чувствуя свое безсиліе противъ поведенія коллегій, онъ приказываетъ опредѣлить извѣстное лицо для собиранія свѣдѣній и завѣдыванія этимъ отдѣломъ. Изъ той же коллегіи иностранныхъ дѣлъ 11-го апрѣля 1720 года былъ назначенъ для этого переводчикъ Яковъ Синявичъ. „Понеже его ц-ое в-во указалъ въ типографію давать вѣдомости публичныя, говорится въ указѣ отъ этого числа, такожъ и къ министрамъ о всѣмъ давать здѣшнемъ, то къ тому опредѣляется переводчикъ Яковъ Синявичъ, который тѣ вѣдомости, по данному ему образцу, сочинять и въ посылку къ министрамъ и въ отдѣленіе потребнаго въ печать исправлять и стараніе въ томъ прилагать имѣетъ. И когда изготовитъ показывать совѣтни-

---

[1]) *Пекарскій*, т. II, стр. 459.

камъ и стараться ему провѣдывать о такихъ публичныхъ вѣдомостяхъ"[1]).

Итакъ, лишь въ 1719 году, т. е. послѣ 17—18 лѣтняго изданія газеты, убѣдились въ бездѣйствіи коллегій и въ необходимости поставить дѣло на другихъ началахъ: не разсчитывать на добровольную присылку свѣдѣній, а имѣть своихъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Сотрудничество Якова Синявича отразилось на Вѣдомостяхъ довольно наглядно; со времени его назначенія мы чаще встрѣчаемъ извѣстія о русской жизни, особенно начиная съ 1724—5 годовъ. Къ сожалѣнію, его сотрудничество было нѣсколько одностороннее: мимо его вниманія текла почти вся политическая и экономическая жизнь Россіи, а что его особенно занимало — это придворная жизнь — для насъ теперь не представляетъ такого интереса; впрочемъ это не вина Синявича—онъ лишь отдалъ дань времени; хроника придворной жизни, занявъ въ первой русской газетѣ почтенное мѣсто, долго не сойдетъ со страницъ газетъ; какъ печать, такъ и литература долго будутъ ее описывать и воспѣвать на всѣ лады, пока жизнь народа не займетъ интереса публицистовъ и писателей.

Повторяемъ вниманіе Синявича—этого перваго хроникера русской газеты—почти не выходило за предѣлы придворной жизни. Изъ-подъ его пера вышло довольно много различныхъ описаній придворныхъ пировъ, поѣздокъ, гуляній и проч.

Что касается главнаго матеріала, составлявшаго Вѣдомости, иностранныхъ извѣстій, то онъ былъ очень разнообразенъ и обширенъ. Онъ весь выходилъ сначала изъ посольскаго приказа, а потомъ изъ преобразованной изъ него коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Онъ брался прямо изъ иностранныхъ газетъ, которыхъ тамъ получалось достаточное количество. На рукописныхъ оригинальныхъ номерахъ газеты почти всегда отмѣчалось, изъ какихъ иностранныхъ газетъ дѣлался переводъ; такимъ образомъ мы съ большою точностью можемъ знать иностранные источники нашей первой газеты. Кромѣ того, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ не мало сохранилось иностранныхъ оригиналовъ. Интересно то обстоятельство, что для газеты первоначально не понадобилось новыхъ иностранныхъ газетъ, такъ какъ онѣ уже получались въ посольскомъ приказѣ. По крайней мѣрѣ въ первые года иностранный отдѣлъ курантовъ и Вѣдомостей времени Петра составлялся изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ. Съ 1700 года по

---

[1]) Тамъ же, стр. 451.

1704 годъ въ приказѣ получались слѣдующія газеты: Ordinari Post Zeitung; Relation aus dem Parnasso; Relation Courier; Die Europaïsche Relation; Nordischer Mercurius и Foglio Straordinario.

Для насъ, конечно, не такъ важно знать, какое мѣсто или извѣстіе изъ какого изъ перечисленныхъ органовъ взято — это было бы излишнею, на нашъ взглядъ, подробностью, особенно въ общемъ очеркѣ. Для насъ было бы, конечно, не маловажно знать подробнѣе, различались ли тогдашнія газеты по своимъ направленіямъ и взглядамъ; но этого мы не видимъ еще въ иностранныхъ органахъ того времени. Поэтому достаточно вполнѣ лишь установить источникъ Вѣдомостей въ общихъ чертахъ; а это сдѣлать при существующемъ матеріалѣ намъ не трудно.

Редакторъ второго выпуска „Вѣдомостей времени Петра", изданнаго Синодальной типографіей, приводитъ слѣдующую таблицу иностранныхъ газетъ, взятую изъ Фабриціуса: Zur Geschichte des russischen Postwesens, 1865 г.:

1703 г.	1704 г.	1705 г.	1706 г.	1707 г.
Die Europäische Relation.				
Relation Courier.				
Nordischer Mercurius.				
Relation aus dem Parnasso.				
Königsbergischer Ordinari Post Zeitung.				
Breslauer Nouvellen.				
Foglio adjunto all'ordinario.				
Reichs Post Reiter.	Wienerisches Diarium. Ordinarie Stokholmiske Post Tijender. Leipziger Post und Ordinar Zeitung.	Cursor ordinarius, sive nova universalia. Extract in der XXII Woche eingelauffenen Nouvellen.	Couriesse Eurapäische Amsterdam. Gazzete (Paris). Leipziger Post und Ordinar Zeitung.	Reichs Post Reiter. Foglio adjunto all'ordinario.

Тотъ же редакторъ пишетъ: „Если отвѣтить на вопросъ, какія иностранныя газеты приблизительно послужили главными оригиналами русской, то намъ приходится назвать прежде всего: Hamburger Relation Courier. Это была первая нѣмецкая газета, издаваемая въ Гамбургѣ со спеціальной цѣлью—служить для потребностей высшихъ образованныхъ классовъ. Минуя не менѣе распространенный Relation aus dem Parnasso, мы должны указать еще: Nordischer Mercurius. По-

слѣдняя газета была однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ политическихъ органовъ... Далѣе еще слѣдуетъ назвать Breslauer Nouvellen, Ordinari Post Zeitung и другія. Общей чертой, свойственной всѣмъ этимъ газетамъ, является прежде всего ихъ популярность. Всѣ эти газеты принадлежатъ къ старѣйшимъ и лучшимъ нѣмецкимъ газетамъ, которыя тогда были очень распространены" [1]. Многія изъ указанныхъ газетъ служили источникомъ для Вѣдомостей и впослѣдствіи, такъ какъ нѣмецкія газеты предпочитались и потомъ: но къ нимъ присоединились и новыя; особенно часто встрѣчаемъ газету „Nouvelles des divers endroits". Это самая распространенная газета, выходившая въ Лейденѣ на французскомъ языкѣ и просуществовавшая болѣе ста лѣтъ. Къ ней выходили приложенія подъ названіемъ „Supplément des divers endroits". Она настолько понравилась составителю русской газеты, что послѣдняя въ 1719 году, напримѣръ, почти весь матеріалъ почерпнула изъ нея. Повидимому, она же служила и до конца Вѣдомостей времени Петра. Такъ въ 1724—26 гг. постоянно находимъ приписки, подобныя слѣдующимъ: „Эссенція изъ французскихъ печатныхъ Лейденскихъ газетовъ 1725 года", или „которые печатаны въ Лейдене 7-го и 16-го декабря 1723 года въ опредѣленные дни: во вторникъ и пятницу". Но кромѣ этого свѣдѣнія брались и изъ другихъ газетъ; такъ мы читаемъ: „При семъ дается экстрактъ изъ французскихъ амстердамскихъ печатныхъ вѣдомостей сего 1724-го года подъ № 83" (очевидно изъ Amsterdam'a).

Вотъ источники первой русской газеты, вотъ сотрудники „Вѣдомостей времени Петра". Ихъ роль и должность мы подробнѣе выяснимъ при знакомствѣ съ составленіемъ газеты.

3.

Гдѣ составлялись „Вѣдомости времени Петра" и кто ихъ редактировалъ? Послѣдній вопросъ наиболѣе труденъ для разрѣшенія изъ всѣхъ поднимавшихся до сихъ поръ. Очевидно, понятія о редакторѣ съ тѣмъ содержаніемъ, которое мы теперь въ него вкладываемъ, тогда еще не существовало. Издавало газету само правительство для своихъ цѣлей и видовъ, а потому оно не могло издавать помимо своихъ канцелярій, но, при всемъ сознаніи важности изданія газеты, не могло создать отдѣльнаго штата; къ тому же для этого не было спеціалистовъ. Благодаря этому „Вѣдомостямъ" пришлось перетерпѣть

[1] Вѣдомости времени Петра стр. 42, вып. II.

много неудобствъ. Матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, рисуетъ намъ довольно скудно механизмъ, приводившій въ движеніе всю машину издательства газеты, но мы постараемся возможно старательнѣе разобраться въ этомъ матеріалѣ.

Какъ мы выше видѣли, матеріалъ для газеты получался отъ различныхъ учрежденій и даже отдѣльныхъ лицъ на печатный дворъ въ Москвѣ и въ петербургскую типографію, когда газета издавалась въ Петербургѣ. Чрезвычайно важно выяснить, въ какой мѣрѣ эти два учрежденія распоряжались доставляемымъ имъ матеріаломъ и участвовали въ его обработкѣ. На это надо сказать, что оба учрежденія несомнѣнно имѣли дѣло съ сырымъ матеріаломъ, который они обрабатывали для номера. Конечно, переработка эта не была очень большой, въ большинствѣ случаевъ она касалась лишь внѣшней стороны, не касаясь сущности матеріала; при этомъ нельзя не отмѣтить разницу въ отношеніи къ матеріалу, который поступалъ изъ посольскаго приказа, въ зависимости отъ того, издавалась ли газета въ Москвѣ или Петербургѣ.

Въ Москвѣ въ посольскомъ приказѣ составлялись Вѣдомости тотчасъ по полученіи номера съ почты; на другой или на третій день, судя по надписямъ, номеръ относился на печатный дворъ какимъ-либо подъячимъ, толмачемъ или приставомъ. Здѣсь этотъ матеріалъ просматривался снова, и изъ него выбирались тѣ статьи, которыя находили подходящими, отмѣчая ихъ крестикомъ или буквой д (дѣлать). Эти мѣста снова переписывались и вмѣстѣ съ другими извѣстіями, если такія бывали, отдавались въ печать.

На редакторскую работу Печатнаго двора надъ „Вѣдомостями“ указываетъ то, что имѣются многіе номера въ двухъ рукописяхъ— пространной и короткой; кромѣ того, встрѣчаются такія надписи: „сей курантъ присланъ изъ посольскаго приказу, а на Печатномъ дворѣ тѣ статьи выписаны къ тисненію, которыя открещены“. Такимъ образомъ иностранныя извѣстія (да и другія) проходили двѣ редакціи— въ посольскомъ приказѣ, гдѣ они переводились, и на Печатномъ дворѣ. При этомъ Печатный дворъ распоряжался рукописями довольно свободно и вообще держался самостоятельно по отношенію къ посольскому приказу и другимъ учрежденіямъ.

Кто же завѣдывалъ этимъ дѣломъ на Печатномъ дворѣ, т. е. чью редакцію или черезъ чьи руки проходили Вѣдомости въ окончательномъ видѣ?

Предполагали, что всѣмъ завѣдывалъ лично Мусинъ-Пушкинъ,

начальникъ Монастырскаго приказа, въ вѣдѣніи котораго находилась типографія. Дѣйствительно у насъ есть нѣкоторыя указанія на участіе Мусина-Пушкина. Къ нему, очевидно, адресовалась официальная переписка, касавшаяся Вѣдомостей, и сообщенія различныхъ учрежденій. Такъ мы имѣемъ письмо Макарова отъ 4-го августа 1709 года, гдѣ онъ посылаетъ Пушкину реляцію и проситъ ее отпечатать и продавать поскорѣе. Однако у насъ нѣтъ данныхъ, чтобы сказать, что Пушкинъ редактировалъ Вѣдомости, что онъ прочитывалъ доставлявшіяся для нихъ рукописи. Это, конечно, не исключаетъ случаевъ, когда къ нему обращались за какими-нибудь разъясненіями, даже и редакціоннаго характера. На одинъ изъ такихъ, очевидно, запросовъ Пушкинъ пишетъ Поликарпову: „Куранты, о которыхъ ты писалъ, уже давно я къ тебѣ писалъ, чтобъ, напечатавъ, подавалъ, а для чего не подаешь, причины не знаемъ; въ первомъ письмѣ къ тебѣ писалъ я, напечатавъ, подавать, не мѣшкавъ, по всѣмъ моимъ письмамъ исправлять все не мѣшкавъ. Иванъ Мусинъ-Пушкинъ изъ Воронежа въ 14-ое марта 1709 года". Когда же Поликарповъ все еще задерживалъ номеръ, Пушкинъ пишетъ 23-го марта: „О курантахъ я уже тебѣ дважды писалъ,—выправливать ихъ нечего, можно и тебѣ знать, какъ прилично" [1]).

Эти письма рисуютъ намъ картину взаимоотношеній между лицами, въ вѣдѣніи которыхъ находились Вѣдомости. Изъ нихъ видно, что начальникъ Монастырскаго приказа только разрѣшалъ возникавшія недоразумѣнія, а непосредственно редактировалъ газету Поликарповъ, т. е. директоръ Московской типографіи. Ему можно „знать, какъ прилично издавать газету, что въ ней помѣщать". И дѣйствительно, слѣды редакціи Поликарпова очень ясны на рукописныхъ матеріалахъ Вѣдомостей: его рукой отмѣчены почти всѣ статьи за время изданія газеты въ Москвѣ. Исправленные и провѣренные (въ сомнительныхъ случаяхъ) матеріалы для номера отдавались уже для переписки или печатанія.

Въ виду такой выдающейся роли Поликарпова интересно познакомиться съ нимъ и его трудами поближе. Несомнѣнно, мы имѣемъ передъ собою выдающагося дѣльца, которыхъ такъ умѣлъ отыскивать и создавать Петръ.

„Должность, которую занималъ Поликарповъ, говоритъ Пекарскій, требовала и опытности и знаній"; но и помимо этой должности Поли-

---

[1]) Вѣдомости времени Петра, вып. II, стр. 57.

карповъ постоянно занимался научными или переводными работами. Онъ былъ даже не чуждъ литературнаго творчества. „Поликарповъ, говоритъ Пекарскій,—лицо, довольно извѣстное въ письменности той эпохи: прилежный ученикъ грековъ Лихудъ, онъ, послѣ удаленія ихъ, былъ учителемъ славяно-греко-латинской школы, переводилъ съ греческаго труды своихъ наставниковъ, писалъ извѣстія о московской духовной академіи и трудахъ своихъ учителей, управлялъ московскою типографіей. Поликарповъ, кромѣ того, занимался переводами и составленіемъ книгъ разнохарактернаго содержанія; такъ изъ его трудовъ изданы: нѣсколько словъ Ефрема Сирина (въ переводѣ), географія (въ переводѣ же), словарь треязычный, предисловія и незначительныя дополненія къ грамматикѣ Смотрицкаго. Онъ обязанъ былъ браться за все, что требовалось тогда въ Россіи для дѣла просвѣщенія. Онъ былъ, подобно Симеону Полоцкому, большой любитель слагать силлабическія вирши; во многихъ изъ изданій московской типографіи встрѣчаются эти вирши, то какъ подписи къ изображеніямъ, то какъ объясненія въ назиданіе и услажденіе читателямъ.

Этотъ ученый воспитывался въ московской школѣ и сначала смотрѣлъ подозрительно на то, что напоминало Западъ: въ предисловіи къ своему букварю онъ говоритъ неодобрительно о произведеніяхъ классической древности, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Петръ вообще былъ не охотникъ до намековъ противъ того, что онъ одобрялъ.

Служа въ царствованіе Петра Великаго, Поликарповъ имѣлъ достаточно времени, чтобы измѣнить свое мнѣніе, и въ 1721 году говоритъ уже о необходимости переводовъ на русскій языкъ иностранныхъ сочиненій“.

Поликарпова въ 1722 году постигло большое несчастье; онъ былъ уволенъ отъ занимаемой должности, съ начетомъ на него 4.456 р. слишкомъ, и уличенъ во взяткахъ со служащихъ типографіи [1]).

Не признавая себя виновнымъ, Поликарповъ писалъ: „Въ которомъ похищеніи по изслѣдованію дѣла, я оправданъ мастеровыми сказками, а приносимое въ почесть не изъ принужденія, за недостатками моими, принималъ“. Кромѣ того, приношенія Поликарповъ объяснялъ „обыклостью“. Лишь черезъ два года по высочайшему указу былъ снятъ съ него долгъ, а въ 1726 году онъ опять былъ назначенъ директоромъ типографіи; въ этой должности онъ и умеръ въ 1731 году.

---

[1]) *Пекарскій.* Наука при Петрѣ Великомъ т. I, стр. 174—5.

Если Поликарповъ и сдѣлался жертвой „обыклости", то во всякомъ случаѣ онъ былъ усерднымъ труженикомъ времени Петра, не мало употребившимъ своихъ силъ и энергіи на дѣло просвѣщенія. Ему несомнѣнно многимъ обязаны Вѣдомости времени Петра, пока онѣ печатались въ Москвѣ.

Когда изданіе газеты было перенесено въ Петербургъ, то обязанность и роль печатнаго двора замѣнила петербургская типографія. Она также распоряжается газетнымъ матеріаломъ и составляетъ номера. Здѣсь неутомимаго Поликарпова замѣстилъ достойный ему преемникъ Михаилъ Аврамовъ. Онъ былъ убѣжденный и стойкій послѣдователь старины и противникъ Запада. Онъ не разъ подавалъ проекты Петру, шедшіе совершенно въ разрѣзъ съ желаніями послѣдняго. Однако это не мѣшало Петру оцѣнивать по достоинству Аврамова и держать его на такомъ видномъ посту. Въ свою очередь взгляды Аврамова не мѣшали заботиться о распространеніи печатнаго дѣла въ Россіи. Такъ въ 1721 году онъ возсталъ противъ предположеній объ уменьшеніи петербургской типографіи и представлялъ, напротивъ, донесеніе о расширеніи дѣятельности типографіи. „И хотя, писалъ онъ, сія типографія наиболѣе для обученія въ общенародную пользу россійскихъ людей ученена.... И того ради, по мнѣнію моему, оную типографію умалять и контору оставлять не надлежитъ, но наипаче, для государственной славы и общенародной пользы, распространять надобно" [1]). На приверженность старины Петръ умѣлъ не обращать вниманія, но за то всегда пользовался такими мыслями, какія излагалъ въ своемъ донесеніи Аврамовъ. За нихъ, очевидно, по проискамъ синода, онъ былъ смѣщенъ и два года занимался въ бергъ-коллегіи, когда въ 1724 году опять былъ назначенъ директоромъ типографіи.

Кончилъ свою жизнь Аврамовъ очень печально. Онъ не могъ быть спокойнымъ за старину, и вотъ уже при Аннѣ Іоанновнѣ подаетъ опять проектъ объ управленіи государственными дѣлами. За это его заключили въ Иверскій, а потомъ въ Охотскій монастыри. Казалось бы, что теперь должны были кончиться и его проекты, и его мытарства, однако при вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны онъ снова является съ своимъ задушевными мыслями и снова попадаетъ... въ застѣнокъ тайной канцеляріи.

Тамъ Шуваловъ положилъ слѣдующую резолюцію: „оный Аврамовъ

[1]) *Пекарскій*, т. II, стр. 660.

за сочиненіе имъ противныхъ книгъ, и паче, что онъ всѣми своими сочиненно-противными и до него, Аврамова, ни мало принадлежащими книгами подачею дерзновенно утруждалъ Ваше Императорское Величество—подлежитъ онъ жестокому наказанію, по неже какъ изъ распросу Аврамова, такъ и по приводѣ въ застѣнокъ и съ пристрастнаго распроса оказалось, что онъ тѣ противныя книги сочинялъ съ сущей простоты своей“ [1]). А также Аврамовъ уже въ „престарѣлыхъ лѣтахъ“ ходатайствуетъ передъ Вашимъ Величествомъ объ его освобожденіи отъ наказаній и заточеніи въ монастырь. „Дѣйствія Аврамова, пишетъ Пекарскій, хотя и заблудившагося, могутъ казаться героическими“. Во всякомъ случаѣ участь его достойна сожалѣнія, а труды памяти потомства.

Таковъ преемникъ Поликарпова и новый редакторъ первой русской газеты. Отношеніе Аврамова къ иностраннымъ матеріаламъ Вѣдомостей было нѣсколько иное, чѣмъ Поликарпова. Посольскій приказъ, а потомъ коллегія иностранныхъ дѣлъ понемногу завоевали себѣ полную самостоятельность въ составленіи и редактированіи иностранныхъ извѣстій для газеты. Сохранился документъ, по которому мы можемъ съ точностью возстановить весь механизмъ этой работы, именно указъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 23-го іюля 1719 года. „И во оныхъ доношеніяхъ,—читаемъ мы изъ указа, написано о присылкѣ въ канцелярію коллегіи иностранныхъ дѣлъ изъ штатсъ-конторы коллегіи указу объ отсылкѣ Вѣдомостей къ Михаилу Аврамову, для печатанія курантовъ въ народъ, о чемъ при семъ и кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ указомъ Его Царскаго Величества писалъ, чего для велѣли вы переводчику Борису Волкову у санктъ-петербургскаго почтъ-мейстера куранты на французскомъ языкѣ брать, и, переводя, приличное къ печати отсылать, и что онъ переводчикъ Вамъ объявилъ, что почтъ-мейстеръ ему тѣхъ французскихъ курантовъ нѣсколько времени не присылалъ, и чтобы отсюда къ нему почтъ-мейстеру о присылкѣ тѣхъ курантовъ подтвердить, и понеже сіе потребно учинить со основаніемъ, чтобъ и впредь всегда уже непремѣнно съ почтъ печатные куранты въ канцелярію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ присыланы были, дабы изъ оныхъ, по указу его Царскаго Величества о всемъ приличномъ выписывая, къ печати отсылать; того для по полученіи сего привозите въ канцелярію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ помянутого санктъ петербургскаго почтъ-мейстера и объявите ему,

---

[1]) *Пекарскій*, т. I, стр. 514.

чтобъ онъ по вся почты въ канцелярію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ куранты на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ разныхъ рукъ письменные и печатные присылалъ, чегобъ для оные нарочно отъ корреспондентовъ своихъ выписалъ; а по прошествіи года во что тѣ куранты ему цѣною станутъ, подалъ счетъ, по которому за оные надлежащіе деньги изъ канцеляріи заплачены ему будутъ, о чемъ къ нему и отсюды писано; а межъ тѣмъ, бравъ куранты французскіе велѣть немедленно оные переводить Борису Волкову съ прилежаніемъ и смотрѣть, чтобъ было исправно и отсылать къ печати; ибо усмотрено въ переводѣ его въ реляціи мѣсяца іюня, что онъ въ пунктѣ изъ Риму переводъ Басилику (что имянуется соборная церковь святаго апостола Петра) вмѣсто того домомъ судебнымъ, Басиліка нареченнымъ, которое напоминаніе только для извѣстія при семъ учинено".

Переводчикъ приказа Борисъ Волковъ сначала (въ 1719 г.) очень робко приписываетъ свой совѣтъ о порядкѣ печатанія номеровъ, но потомъ съ каждымъ годомъ его голосъ раздается сильнѣе, требованія становятся рѣшительнѣе и видна большая самостоятельность. 24-го декабря 1719 года онъ пишетъ: „всякую вѣдомость лучше печатать порознь нежели двѣ или три вмѣсте а въ протчемъ какъ вамъ велено такъ и извольте дѣлать. Мы вамъ въ томъ не имѣемъ права указывать" [1]).

Но уже въ началѣ слѣдующаго года онъ выражаетъ свое неудовольствіе типографіи: „Извольте приказать печатать № 64 и 65 вмѣстѣ, а не порознь; и не вычеркивайте изъ нихъ ничего, какъ то сдѣлано въ вѣдомости 10-ой. Сначало выпущено слово: только: безъ котораго складъ сталъ быть безтолковый; и знать потому что чернитель неучь; и складу не разумѣетъ"; или въ другомъ мѣстѣ онъ приписываетъ—„впредь не извольте въ нашихъ вѣдомостяхъ словъ перемѣнять, какъ вы чините" [2]). Типографія не слушала его совѣтовъ и замѣчаній, но онъ не унимается и дѣлаетъ замѣчанія все чаще и чаще. „Понеже во многихъ курантахъ явился въ печати не противъ моихъ черныхъ, разныя прибавочки и убавки, по случаю которыхъ и шумъ и осужденіе было, еже не въ честь ни вамъ ни намъ: того ради извольте всякую напечатанную вѣдомость самую первую ко мнѣ присылать, а уже отдавать въ публику послѣ моего прочтенія: и такъ,

[1]) *Погорѣловъ*. Мат. и ориг. Вѣдомости, стр. 47.
[2]) Тамъ же, стр. 49.

кто впредь како-либо проступится, тотъ по своему жребію и осудится, а безъ вины бы виновату не быть“ [1]).

Постепенно отвоеванное положеніе Волкова съ переходомъ временно Вѣдомостей въ Москву (въ 1722-3 гг.) падаетъ опять; но онъ и здѣсь не покидаетъ воинствующаго отношенія къ печатному двору; его голосъ и здѣсь громко раздается за самостоятельность коллегіи и цѣлость посылаемыхъ имъ вѣдомостей. „Ежели что возмнится вамъ не вразумительно быть, то извольте Господа корректоры приказать со мною справливаться, а сами не извольте ни чернить ни прибавлять, о чемъ уже присмотрено въ первыхъ вѣдомостяхъ, а въ С. пп. б. за то великие шумы были съ штатсконторъ Коллегіею и съ нашею“ [2]).

Когда Аврамова смѣнилъ архимандритъ Бужинскій, назначенный протекторомъ всѣхъ типографій, то онъ оставляетъ рукописи Волкова совершенно нетронутыми и печатаетъ ихъ цѣликомъ безъ всякихъ поправокъ или измѣненій. Мы встрѣчаемъ лишь его надписи, сдѣланныя южно-русской скорописью: *печатать обыкновенно* (годъ и число). Въ это время вѣдомости поступали въ типографію непосредственно отъ самого Бужинскаго; это видно изъ отмѣтокъ на рукописяхъ (получено отъ отца протектора, годъ и число).

Правда, Волковъ самъ прибѣгаетъ къ авторитету Бужинскаго. Онъ пишетъ: „Господина секретаря Михаила Марсочникова прошу о отпускѣ ко мнѣ таковыхъ печатныхъ вѣдомостей съ 5-го іюля, о чемъ Его священное изящество (sic) протекторъ типографій давно изволилъ приказывать дьяку І. М. Гаментову по письменному моему прошенію“, или въ другомъ мѣстѣ: „Господа наборщики извольте сегодня всеконечно набрать все сіе отъ слова до слова въ самой скорости, чтобъ ко утру къ дѣлу было готово. Сіе пишу вамъ по приказанію его преподобія Господина отца Архимандрита“ [3]). Однако изъ этихъ надписей никакъ нельзя заключить, что Бужинскій редактировалъ Вѣдомости, въ нихъ скорѣе проглядываетъ только его власть распорядителя, какъ протектора типографіи, въ которой печаталась газета. Характерны случаи, когда Волковъ обращается къ Бужинскому. Онъ не обращается къ нему за какими-нибудь разъясненіями редакціоннаго характера, а лишь тогда, когда ему нужно, напримѣръ, поскорѣе

---

[1]) *Погорѣловъ.* Мат. и ориг., стр. 55—6.
[2]) Тамъ же, стр. 60.
[3]) Тамъ же стр. 60.

напечатать номеръ газеты или получить вышедшіе номера, если типографія задерживала высылкой.

Словомъ Волковъ является полновластнымъ распорядителемъ иностраннаго (переводнаго) отдѣла первой нашей газеты. А такъ какъ за 1722-3 годы и позже номера состояли почти изъ однихъ переводовъ, то Волкова можно считать фактическимъ редакторомъ Вѣдомостей не только многихъ номеровъ, но и нѣсколькихъ лѣтъ изданія.

Несомнѣнно, и современники считали его таковымъ, судя по тому, что именно къ нему адресовались запросы о выходѣ газеты и всѣ неудовольствія на различныя оплошности. „Паки ко мнѣ присылка была, пишетъ онъ, изъ коллегіи съ такимъ вопросомъ для чего мѣшкатно сіи вѣдомости печатаютъ и чего ради не продаютъ ихъ.—На то отвѣтствовалъ, что косно ихъ печатаютъ для того, что есть де много иныхъ дѣлъ, а продаютъ ихъ не въ лавке, но въ приказе (чего не надлежало было чинить, но продавать было изъ лавки) но сие не въ моей винѣ“ [2]).

„Прошу меня увѣдомить чрезъ писульку о причинѣ которая мѣшаетъ сіи вѣдомости печатать, а мнѣ онѣ уже тоску нагнали не престанными вопросами для чего вѣдомости не печатаютъ, а что говорю что за недосугомъ и то въ дѣло не ставятъ но вмѣняютъ въ презираніе и пренебреженіе“ [3]). „О таковыхъ печатныхъ вѣдомостяхъ частенько поспрашиваютъ, а иногда и изъ дворца для чего гораздо поздно онѣ являются въ выходе изъ печати. Сие извѣстие вамъ почтеннымъ господіямъ корректорамъ“ [4]). Изъ подобныхъ приписокъ ясно, что Волкова считали отвѣтственнымъ лицомъ, отъ котораго зависѣло изданіе газеты.

Но не надолго суждено было Волкову завоевать свою самостоятельность. Типографія не могла видѣть и хладнокровно переносить возвышеніе Волкова. Она всячески старается подъ него подкопаться; всякій промахъ ставится ему въ вину и подаетъ поводъ къ жалобамъ. „Извѣствую Вашей милости, пишетъ Волковъ, что я стражду нѣкими злыми болѣзнями, и для того насилу могу переводить сіи куранты; можете напомнить что съ моей стороны всегда я типографію довольствовалъ, а она не печатала иногда мѣсяца 3—4. Сего ради не над-

---

[1]) См. рукописныя вѣдомости за 1722 годъ.
[2]) *Погорѣловъ*. Мат. и ориг. Вѣдомости, стр. 61.
[3]) Тамъ же, стр. 61—62.
[4]) Тамъ же, стр. 68.

лежитъ на человѣка напрасно находить жалобами" [1]). Повидимому, эти напрасныя въ дѣйствительности жалобы однако взяли верхъ, и положеніе Волкова съ 1725 года пошатнулось. Съ этого времени мы видимъ, что извѣстія печатаются не всѣ сплошь, какъ раньше, а лишь тѣ, которыя въ рукописи отмѣчены крестикомъ; съ этого времени опять начинается редакторская работа типографіи, и Волковъ пишетъ: „*Ежели кому понравится который нумеръ отставить*, и о томъ извольте меня увѣдомить чтобъ я вѣдалъ какъ вести теченне и слѣдство вѣдомостей, ибо естли отставятъ напримѣръ: Судъ дука-де риппиреда, а кончину его отдадутъ въ публику и то было бы absurditus etc. etc." [2]).

Къ этому же времени относятся и другія подобныя приписки, но уже менѣе спокойнаго характера. „Указывать вамъ не мое дѣло,—пишетъ онъ, очевидно на замѣчаніе типографіи о томъ, что онъ не имѣетъ права имъ указывать,—только долженствую вась увѣдомить, что № 52-ой напечатанъ не справно, и противъ добраго разсужденія" [3]). Еще печальнѣе положеніе Волкова становится по смерти Петра, когда реакція высоко подняла свою голову. Престарѣлый редакторъ замирающей газеты впадаетъ въ полное отчаяніе. „Конфирмую вамъ господиямъ, пишетъ онъ, что важнаго, досадительнаго, сумнительнаго, негоднаго, переводить я опасенъ: и прямо сказать не смѣю. И тако извольте ждать только курпознаго да знатнаго не досадительнаго, время-бо настоящее мутно, трудно, хлопотливо и не надежно: *Вновь* объявлю. Что съ полуапрѣля сего 1726 года газеты получаются не по вся почты, но вдругъ пуками, и для той вѣдомости всегда будутъ къ вамъ доходить зачисленные, однакожъ печатать ихъ можно такъ какъ возможно было печатать. Сіи газеты по цѣлой книжке: скопя почтъ по 20-ти здѣсь: а въ Москвѣ почтъ по 50-ти" [4]).

Такъ чередуются распоряженія Волкова съ приписками, видимо, раздраженнаго и оскорбленнаго человѣка. Въ нихъ видно, что Волкова не только не оцѣнили за двадцатилѣтнюю службу, но даже предпочли другому. Это обстоятельство, конечно, не могло не оскорбить Волкова, и онъ, посылая переводъ Вѣдомостей, приписываетъ: „а больше можетъ переводить тотъ кто переводилъ № 8, онъ знатно

---

[1]) Тамъ же, стр. 70.

[2]) *Погорѣловъ*. Мат. и ориг. Вѣдомост. стр. 71.

[3]) Тамъ же, стр. 73, 3.

[4]) Тамъ же, стр. 75, 4.

теченіе дѣлъ вѣдастъ" и проч. „А въ чемъ я погрѣшу въ томъ да благоволите поправить семь бо человѣкъ и не былъ я на третьемъ небѣ яко О. Павелъ. Судитися имамы всѣ: а мы будемъ судите (праведные) и агглвъ (отпадшихъ)" [1].

Такова трудящаяся и многострадальная фигура Волкова, такова его редакторская дѣятельность для первой русской газеты. Условія, при которыхъ она протекала, весьма характерны для того времени. Съ одной стороны непорядки и запаздываніе въ выпускѣ номеровъ взыскиваются съ Волкова, съ другой же стороны онъ не имѣетъ никакой власти, ни опредѣленнаго положенія къ изданію газеты. Послѣдняя проходитъ много инстанцій, зависитъ отъ цѣлаго ряда учрежденій, но ни одно изъ нихъ не чувствуетъ себя хозяиномъ дѣла, сколько-нибудь компетентнымъ и самостоятельнымъ. Словомъ изданіе Вѣдомостей характеризуется спутанностью, чрезмѣрною сложностью и полною неопредѣленностью. Ни одно учрежденіе, ни одно лицо, причастное къ изданію, не знало вполнѣ своихъ правъ и обязанностей, никто не чувствовалъ на себѣ отвѣтственности и никто не желалъ нести ее. Отсюда полнѣйшая случайность въ участи первой русской газеты. Находила она такихъ исполнителей воли Петра, какъ Поликарповъ, Аврамовъ и особенно Волковъ, и она влачила свое существованіе. Не будь ихъ и постоянныхъ понуканій и запросовъ самого Петра, она едва ли бы просуществовала до появленія академической газеты. Такова ея участь до самой смерти „по естеству".

Мы выше поставили вопросъ, кто былъ редакторомъ Вѣдомостей, и тамъ же отмѣтили, какъ трудно отвѣтить на него въ окончательной формѣ; но несомнѣнно передъ нами три видныя личности—Поликарповъ, Аврамовъ и Волковъ. Дѣятельность каждаго изъ нихъ очерчена выше.

4.

Не менѣе интересенъ и важенъ для насъ вопросъ, насколько были распространены Вѣдомости времени Петра и насколько они имѣли вліянія на современниковъ.

Хотя мы не имѣемъ положительно ни одного свидѣтельства современниковъ или указанія о вліяніи и значеніи Вѣдомостей для общества, но мы располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ, болѣе или ме-

---

[1]) Тамъ же, стр. 78.

нѣе близко подходящимъ къ интересующему насъ вопросу, чтобы на него отвѣтить.

Такъ мы почти съ точностью можемъ знать, сколько номеровъ вышло за каждый годъ изданія Вѣдомостей; то же самое можемъ сказать о количествѣ экземпляровъ, въ какомъ печатались, продавались и „безденежно" раздавались номера; наконецъ, мы можемъ знать затрудненія, которыя встрѣчались въ издательствѣ газеты и учесть ихъ вліяніе на успѣшность выхода Вѣдомостей въ свѣтъ. Всѣ эти данныя помогутъ намъ отвѣтить на этотъ весьма важный и интересный вопросъ въ исторіи нашей первой газеты.

Въ первый годъ изданія всего номеровъ выпущено 39. То же число удержалось и въ слѣдующемъ 1704 году, но уже въ 1705 году оно возросло до сорока шести. Однако эти цифры получались совершенно случайно, такъ какъ выпускъ номеровъ не былъ пріуроченъ къ какому-нибудь сроку, не имѣлъ опредѣленнаго времени. Поэтому уже въ 1706 году номеровъ было выпущено лишь 28, а съ теченіемъ времени это число все уменьшалось и уменьшалось, пока, наконецъ, въ 1717 году не дошло до трехъ номеровъ, а въ слѣдующемъ вышелъ всего *одинъ* номеръ.

Не удивительно, что Петръ при подобномъ положеніи дѣла желалъ издавать газету для русскихъ за границей. Въ собственноручномъ письмѣ къ князю Куракину 31-го декабря 1713 года онъ пишетъ: „Также (хотя поврéмени), чтобы куранты печатные на русскомъ языкѣ присылать, и о томъ поговори съ друкарями, за какое число денегъ на каждый годъ они могутъ сіе учинить, о томъ отпиши" [1]).

Неправдоподобный самъ по себѣ, этотъ фактъ легко объясняется сказаннымъ выше. Царь видѣлъ, что дѣло его не клеится и не подвигается, а между прочимъ онъ зналъ силу печати. Почему-то указанный проектъ не состоялся, и Петръ принимаетъ другія мѣры, про которыя Волковъ пишетъ, что „великіе шумы были" и „судъ и осужденіе". Одной изъ такихъ мѣръ былъ, приведенный выше, указъ отъ 23-го іюля 1719 года. Онъ несомнѣнно имѣлъ огромное вліяніе на участь газеты. До указа въ этомъ году выпущено всего лишь два номера (№ 1—31-го мая и № 2—1 іюля), а послѣ указа 38 до конца года. Эти цифры говорятъ сами за себя. Въ 1720 году было выпущено еще больше номеровъ, а именно 70. Въ слѣдующемъ году коллегія иностранныхъ дѣлъ послала много матеріалу для газеты, но типографія его

---

[1]) *Пекарскій*, т. II, стр. 313.

не печатала, такъ что Волковъ даже предлагаетъ бросить все дѣло. „Увѣдомьте меня, пишетъ онъ въ типографію—присылать ли къ вамъ такіе потребные вѣдомости, или прекратить за симъ я остановлюсь здѣсь, о семъ извольте доложить и меня увѣдомить, а мнѣ кажется пора сіе дѣло оставить“.

Однако предложеніе Волкова не встрѣтило сочувствія, и Вѣдомости продолжали издаваться. Правда, печатаніе ихъ было переведено въ Московскую типографію, которая выпустила въ 1722 г. 44 номера. Но уже въ слѣдующемъ году Вѣдомости опять печатаются въ Петербургѣ, и здѣсь дѣло пошло опять хуже и хуже, такъ что въ 1727 году не было выпущено ни одного номера, хотя текстъ и былъ приготовленъ для нѣсколькихъ номеровъ; но матеріалъ ихъ нѣсколько разъ переверстывался, измѣнялся и въ результатѣ не получилъ окончательно редакціи и не вышелъ.

Такое печальное положеніе нашей первой газеты объясняется отсутствіемъ настоящей организаціи и опытности. Во всемъ видна случайность, косность и канцелярщина. Самый пустой вопросъ восходилъ до самыхъ высшихъ инстанцій и очень часто до царя, и въ силу этого тормозилъ дѣло. Живое само по себѣ, оно не могло ужиться съ канцелярской рутиной и обойтись безъ преданныхъ людей. А таковые, если и были, или не имѣли силы и власти, или постоянно встрѣчали себѣ препятствія. Почитайте приписки Бориса Волкова, одного изъ самыхъ преданныхъ дѣлу лицъ, и вы убѣдитесь въ этомъ и будете удивляться, какъ при подобныхъ условіяхъ могла еще просуществовать газета въ продолженіе 24 лѣтъ.

Волковъ постоянно заваленъ исполненіемъ самыхъ неотложныхъ и постороннихъ дѣлъ; занятіе его переводами для Вѣдомостей считается неважнымъ, побочнымъ; а между тѣмъ ему постоянно приходится имѣть столкновенія изъ-за нихъ самаго непріятнаго характера. Онъ пишетъ: „еще у меня осталось нѣсколько нумеровъ, да и въ полученіи не явилось еще нѣсколькихъ же нумеровъ, а между тѣмъ почта приходитъ дважды въ недѣлю. И ежели въ такое время случатся *еще письма для переводу*, то вамъ не видать будетъ нѣсколько времени ни зачисленныхъ (прошлыхъ) ни новѣйшихъ газетовъ, отъ которыхъ мнѣ лишняя *напрасная скорбь и печаль*, а я и безъ того въ гробъ смотрю. Я чаю вы признаете, что весело тому здоровому человѣку, который награжденъ, а печально тому скорбному, который забытъ служа больше 20-ти лѣтъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ, что и переписывать Вѣдомости некому и ему самому уже приходится „на-

морать корявымъ письмомъ“, и онъ не знаетъ, какъ быть ему впредь, и „понеже видно что хотятъ такъ дабы все дѣлалось само собою: а крику-бъ не было: тамъ же наименьше гнѣва, отъ котораго и риторы буи бываютъ“. Постоянно слышатся жалобы Волкова на запаздыванiе почты. Газеты постоянно запаздываютъ или не приходятъ совсѣмъ. Онъ уже совѣтуетъ типографiи „такъ печатать, чтобы всегда одна новая вѣдомость въ запасе была“.

Но болѣе всего тормозила дѣло сама типографiя. Ея неуспѣшность и затяжка въ печатанiи Вѣдомостей сильно влiяли на упадокъ газеты. Она даже „изволитъ гнѣваться“ за частую присылку номеровъ. „Не извольте гнѣваться, проситъ Волковъ типографiю, что много я къ вамъ вѣдомостей наслалъ, я имѣю на то указъ да къ тому-жъ исправляю свою должность, какъ и вы. Только, кажется что пора отдавать вѣдомости въ народъ“. Изъ приписокъ переводчика видно, какъ много скоплялось въ типографiи номеровъ и какъ долго она не печатала ихъ.

„Теперь у вашей милости, пишетъ онъ, Вѣдомостей сего года 1724 нумеровъ одиннадцать. Сего часа пришелъ № 12, а завтра придетъ № 13: а прошлогодскiе № еще не всѣ изъ печати вышли, а на меня гнѣваться не извольте, ибо припужденъ посылать, а дѣлъ у меня и кромѣ Вѣдомостей много бываетъ по все то даромъ де“. Такого рода запаздыванiе Вѣдомостей, конечно, лишало ихъ интереса и новизны, т.-е. существенныхъ чертъ газеты. Въ данномъ случаѣ необыкновенно остроумно замѣчанiе того же неутомимаго Волкова: „Сие пишется токмо для престороги и мнится что 5 или 6 или больше Вѣдомостей въ одной печати не понравятся и не почтутся за новости, но за какой-либо меморiи ради гисториковъ. Впрочемъ подвергается сие въ разсужденiе свѣдующихъ настоящие конъюнктуры“. Однако такая печальная участь не останавливаетъ Волкова, напротивъ онъ усиленно хлопочетъ, чтобы и старыя Вѣдомости были напечатаны. Интересны мотивы, вслѣдствiе которыхъ онъ желаетъ выпуска газеты. „Симъ еще напоминаю, что понеже наши авизiи *почитаются за краткую слѣдовательную исторiю* и печатанiю предаются для народной пользы и подноса высочайшимъ лицамъ. Того ради, конечно, надобно всѣмъ прошлогодскимъ Вѣдомостямъ изъ печати выходить не умедля, хотя уже задними числами или заднимъ числомъ; *ибо есть въ нихъ много куриознаго и надобнаго*, да къ тому же *надобно имъ на свѣтъ выттти для порядку и слѣдства въ нихъ.* Какъ напримѣръ, естли выдетъ изъ тиснѣнiя что сеймъ польскiй вер-

шился а средины и начала не видали, то было бы буйство и опасно: или естли впредь въ Вѣдомостяхъ упомянется о большой рыбѣ, о великомъ и прожорливомъ человѣкѣ, о великой бурѣ въ Португаліи и проч., а всего того въ печати не видно было, то было бы вина, не досмотреніе, стыдъ и конфузия *и почти пресѣчение въ Вѣдомостяхъ*: и тако не надлежитъ мѣшкать вышеупомянутые Вѣдомости печатать".

Кромѣ этихъ общихъ соображеній, Волковъ выставляетъ мотивомъ скорѣйшаго печатанія номеровъ интересъ, съ которымъ самъ царь относится къ Вѣдомостямъ. „А по всему дознавать что есть нѣкакіе письма изъ походу о сихъ Вѣдомостяхъ и того ради совѣтую вашей милости печатать ихъ неотложно, и сей совѣтъ да не извольте принять за зло. Чаю впредь его напомянете, и увидите каковы сіи куранты нравны его Императорскому Величеству, который самъ соизволитъ ихъ прочитывать и погодно собирать яко все куріозный въ литературе монархъ".

Но какъ бы Волковъ ни былъ преданъ Вѣдомостямъ, препятствій и затрудненій было столько, что онъ приходитъ въ уныніе и теряетъ всякую охоту заниматься. И теперь онъ хлопочетъ о томъ, чтобы какъ-нибудь избѣжать гнѣва и сбыть работу „съ юстициею", теперь и онъ говоритъ, что „черезъ мочь и конь нести не можетъ", а человѣку и подавно можно утомиться и остыть, „коли 20 лѣтъ безъ благодаренія работаетъ". Мало того, отчаяніе Волкова доходитъ до такой степени, что онъ начинаетъ сомнѣваться, нужны-ли Вѣдомости и не пора-ли прекратить ихъ изданіе. *„А мнѣ кажется пора сие дѣло оставить"* [1]).

Такое охлажденіе Волкова къ Вѣдомостямъ нельзя ставить ему въ вину. Вѣдомости искусственно были вызваны къ жизни, искусственно и поддерживались велѣніемъ и любовію царя. Ихъ замираніе объясняется условіями времени. Едва-ли можно требовать, чтобы Вѣдомости аккуратно выходили въ свѣтъ, когда печатное дѣло, т.-е. важнѣйшее оружіе, безъ котораго немыслима газета, стояло чрезвычайно низко. Стоитъ только мелькомъ взглянуть на положеніе типографіи, въ которой печатались Вѣдомости, чтобы убѣдиться въ этомъ. Извѣстный намъ Бужинскій доноситъ, напримѣръ, что, хотя ему и поручено завѣдывать двумя типографіями (въ Москвѣ и Петербургѣ), „однако онѣ не представляютъ ему никакихъ отчетовъ, слѣдуемыхъ

---

[1]) Всѣ выдержки взяты у Погорѣлова и просмотрѣны по оригиналамъ.

на содержаніе денегъ не выдается, и во всемъ оказывается скудость и остановка; „а на меня, прибавляетъ протекторъ, есть нареканіе, то въ выдачѣ книгъ есть неисправа, а происходятъ онѣ не въ такомъ чистомъ печатаніи“.

Результатомъ „не такого чистаго печатанія“ было то, что, по словамъ Поликарпова, директора московской типографіи, „купцы нынѣшнихъ книгъ обѣгаютъ и больше со стороны покупаютъ прежнія книги чисто печатныя съ наддачею, нежели новыя *марашки* меньшею цѣною“. Изъ отчетовъ типографіи видно, какъ быстро, дѣйствительно, падала выручка отъ продажи книгъ. Такъ въ 1721 году было продано книгъ на 7.720 р. 93¹/₄ коп.; въ 1722 г.—5.891 р. 69 коп.; въ 1723 г.—3.108 р. 94 коп.; въ 1724 г.—2.057 р. 44 коп.; въ 1725 г.—3.210 р. 76 коп.; въ 1726 г.—1.878 р. 33 коп., т. е. за пять лѣтъ выручка уменьшилась почти въ 5 разъ.

То же пониженіе выручки отъ продажи книгъ было и въ петербургской типографіи: въ 1715 г. выручено тамъ 820 р. 24 алт. 4 деньги; въ 1716 г. — 827 р. 21 алт.; въ 1718 г. — 3.062 р. 25 алт. 4 д.; въ 1719 г. — 2.814 р. 11 алт.; въ 1720 г. — 2.494 р. 10 алт.; въ 1721 г. — 1.857 р. 25 алт.; въ 1722 г. — 618 р. 14 алт. 4 деньги. Такое же разстройство было и въ денежныхъ дѣлахъ петербургской типографіи, какъ и московской. Протекторъ типографій Бужинскій доноситъ синоду въ 1722 году слѣдующее: „Санктпетербургской типографіи мастеровые люди бьютъ челомъ о жалованьѣ непрестанно, а дать нечего... и ежели вскорѣ денегъ ни откуды въ присылкѣ не будетъ, и въ печатаніи книгъ конечно остановка будетъ, понеже оные мастеровые люди за скудостью и голодомъ хотятъ дѣла всѣ оставить, и того ради опасенъ въ печатаніи книгъ остановки и гнѣва“...

Въ 1724 году „за неимуществомъ“ въ казнѣ денегъ, выдано разнымъ мастеровымъ въ жалованье книгами [1]) на 3.603 р. 63¹/₄ коп. и за поставку бумаги Евреинову 2 т. руб. Чтобы улучшить какъ-нибудь дѣло, Поликарповъ въ 1726 году вноситъ проектъ объ уменьшеніи дѣйствій типографіи; онъ полагаетъ, что совершенно достаточно 4-хъ станковъ церковныхъ и одного гражданскаго при 10 человѣкахъ у каждаго станка, отчего онъ ожидаетъ и „чистоту въ книжномъ дѣлѣ и облегченіе мастеровымъ“. Едва ли можно только предположить, чтобы

---

[1]) Интересно, что служащіе и мастеровые въ такихъ случаяхъ просили церковныхъ книгъ московской и кіевской печати.

отъ проекта Поликарпова печатаніе могло пойти успѣшнѣе и быстрѣе, что особенно важно было для Вѣдомостей въ виду ихъ сильнаго запаздыванія за послѣднія 5—7 лѣтъ.

Замѣчательно то, что директоръ петербургской типографіи Аврамовъ вноситъ контръ-проектъ и, приведя историческую справку о типографіяхъ, приписываетъ: „И того ради, по мнѣнію моему, оную типографію умалять и контору оставлять не надлежитъ, но наипаче, для государственной славы и общенародной пользы, распространять надобно"...

Какъ бы то ни было, но проектъ Поликарпова не коснулся Вѣдомостей, такъ какъ онѣ черезъ годъ послѣ этого прекратили свое существованіе. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что во время существованія газеты типографія влачила жалкое существованіе и годъ отъ году падала. Подобное положеніе необходимѣйшаго орудія существованія Вѣдомостей не могло не отразиться на нихъ пагубнымъ образомъ. И дѣйствительно мы видимъ, что для напечатанія газеты не хватало даже шрифта. Тотъ же Поликарповъ пишетъ: „сіе набрать мѣлкаго понеже крупныхъ литеръ не достанетъ".

Таковы препятствія, встрѣчавшіяся на пути изданія первой русской газеты, и таково ихъ вліяніе на выпускъ номеровъ. Лишь неутомимое вниманіе самого Петра и желаніе угодить ему со стороны сотрудниковъ не разъ спасали отъ гибели это истинное дѣтище преобразователя.

Какъ же встрѣтило само общество появленіе Вѣдомостей, какъ оно къ нимъ отнеслось, другими словами въ сколькихъ экземплярахъ расходилась русская газета, сколько она имѣла читателей? Какихъ-нибудь свидѣтельствъ или воспоминаній современниковъ по этому вопросу мы не имѣемъ, мы можемъ только судить по сухимъ цифрамъ, которыя находимъ въ архивахъ Синодальной библіотеки. Однако эти сухія цифры, если не совсѣмъ, то достаточно открываютъ прошлое русскаго общества и русской печати.

Самое большое количество экземпляровъ, въ которомъ когда-либо печатались Вѣдомости, было четыре тысячи; это былъ 10-ый номеръ за 1703 годъ, на корректурномъ листѣ котораго читаемъ: „Сихъ Вѣдомостей дѣлано 4.000". Но это было число, больше котораго никогда не достигали Вѣдомости. За первые годы ихъ изданія мы имѣемъ не много цифръ, которыя не превышаютъ двухъ тысячъ, но которыя быстро спускаются въ 1705 году до одной или двухъ сотенъ. Позже это количество увеличивается, и до 1719 года газета эта печаталась

въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ. Но уже въ 1721 году оно спустилось до нѣсколькихъ десятковъ и въ этой нормѣ кончили свое существованіе Вѣдомости. Такъ №№ 30, 31, 32 и 33—1721 года печатались лишь по 50 экземпляровъ. Въ 1723 году № 2 дѣлано 100 экземпляровъ, слѣдующіе номера по 70, а съ № 9—по 53 и съ № 2—1724 года по 30 экземпляровъ [1]).

Естественно, что цифры не могутъ быть одинаковы на протяженіи почти четверти вѣка, но странно, что эти цифры не только не возрастаютъ, но неуклонно и быстро падаютъ. Этотъ фактъ краснорѣчиво говоритъ, что газета не встрѣтила сочувствія у читателя, не пользовалась его расположеніемъ и не сумѣла привлечь его вниманія. Вѣдь тѣ же цифры намъ показываютъ, что долгое время читателей было довольно много. Въ 1708 году № 13, напримѣръ, раскупленъ въ 680 экземплярахъ, при цѣнѣ въ 2 деньги за номеръ, а всего за этотъ годъ было продано 3.812 номеровъ, кромѣ розданныхъ „безденежно“ (1508 номеровъ), что составляетъ въ среднемъ $254^1/_3$ экземпляра на каждый номеръ. Нельзя сказать, чтобы цифра была маленькой. А въ слѣдующемъ году было продано еще больше — 5.050 экземпляровъ, т. е. 420 экземпляровъ каждаго номера. Третій номеръ 1711 года, напримѣръ, печатался нѣсколько разъ, такъ какъ былъ быстро раскупаемъ. Его напечатали 500 экземпляровъ „библійскимъ“ шрифтомъ и 100—„бѣлорусскимъ“, но послѣднихъ не хватило и было отпущено для печати его 25 листовъ бумаги (приблизительно на 100 экз.). Позже и то, и другое изданіе перепечатывались еще по 200 экземпляровъ каждаго шрифта. Но уже въ 1712 году замѣчается сильное пониженіе спроса на газету; только два номера разошлись въ количествѣ, превышающемъ одну сотню, а всѣ остальные имѣли нѣсколько десятковъ проданныхъ, и № 4 былъ проданъ въ количествѣ всего трехъ экземпляровъ. Всего же за этотъ годъ, не считая перваго номера, продано 719 экземпляровъ, что въ среднемъ составитъ $79^8/_9$ на каждый номеръ. Это пониженіе очень сильное, чтобы его можно было не замѣтить. И это пониженіе продолжается все время. Случается, что нѣкоторые номера по чему-либо расходились и въ большемъ количествѣ, но тенденція къ пониженію сохранялась неизмѣнно, и съ теченіемъ времени остатокъ все болѣе и болѣе возросталъ.

Такъ въ описяхъ бумагъ и книгъ петровскихъ изданій, употреблен-

---

[1]) *Погорѣловъ*, Мат. и оригг. Вѣдом., стр. 64—57.

ныхъ на обертки въ XVIII вѣкѣ, находятся: 11 тысячъ Вѣдомостей разныхъ годовъ и между ними 3.462 экз. юрнала о взятіи Нотенбурга, Вѣдомостей же за 1722 и 1723 годы — 2.498 и 1.453 экземпляра. Эти цифры очень краснорѣчивы. Онѣ будутъ еще значительнѣе, если мы припомнимъ, что типографія, какъ мы видѣли, сама стала печатать по 50 и по 30 экземпляровъ.

Чтобы объяснить этотъ фактъ, намъ пришлось бы повторить все сказанное выше, что Вѣдомости въ концѣ концовъ стали походить, по мѣткому выраженію Волкова, на „какіе либо меморіи ради гисториковъ", но никакъ не могли „почитаться за новость". Дѣйствительно, мало новаго было въ номерахъ, выходившихъ черезъ 3—5 мѣсяцевъ или черезъ полгода послѣ совершившагося событія. Описаніе новогодняго торжества при дворѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ составляло въ буквальномъ смыслѣ скорѣе „меморію для гисториковъ", нежели интересъ для обывателей.

Конечно, при оцѣнкѣ этого интереса мы не должны его слишкомъ преувеличивать. Въ данномъ случаѣ намъ придется сильно разочароваться. Потребность къ чтенію въ русскомъ обществѣ начала XVIII вѣка была слишкомъ слабо развита; обыватель „московской земли" еще не создалъ себѣ привычки къ чтенію, онъ мало интересовался политикой и былъ совершенно къ ней не подготовленъ. Безъ этого и безъ самаго необходимаго — безъ грамотности и какого-либо просвѣщенія, газета прямо рисковала остаться безъ читателя. Къ этому присоединялись всѣ недостатки, про которые мы уже говорили, и все это, взятое вмѣстѣ, могло способствовать лишь умиранію, а не развитію газеты.

Это и случилось.

5.

Газету издавало само правительство своими средствами и для своихъ цѣлей; поэтому Вѣдомости не имѣли препятствій цензурнаго характера. Да въ то время цензуры, какъ особаго учрежденія, и не было. Не было не потому, что духъ правительства былъ очень либераленъ, а просто потому, что ее некуда было примѣнять. Общественной иниціативы совершенно не было; издательство книгъ, указовъ, листковъ и газеты — все находилось въ рукахъ правительства. А уже не его ли агентамъ знать, что дозволено и что запрещено видами высшихъ властей, что не соотвѣтствовало ихъ интересамъ, что могло повредить непосредственнымъ ихъ выгодамъ?

Это, конечно, еще не избавляло издателей отъ тщательнаго разбора печатнаго матеріала именно съ цензурной стороны. Такой оцѣнкѣ подвергались больше всего извѣстія, касающіяся международныхъ отношеній и военныхъ событій, особенно послѣднія. Если правительство стремилось всегда выставлять слабость нашего противника и значеніе одержанныхъ нами побѣдъ, то еще больше оно старалось затушевать или совсѣмъ скрыть проигранныя сраженія и неудачи нашихъ войскъ. Противъ такихъ извѣстій всегда можно найти помѣтку въ родѣ слѣдующей: „сей статьи межъ скобокъ въ народъ не пускать", или, напримѣръ, извѣстія, какъ слѣдующія: „(Ген. Кроніортъ) и съ однимъ подъѣздомъ счастливый бой имѣлъ противъ Москвы, и на переправе одной королевской Сисербекъ нареченной сильнаго войска Московскаго побилъ" или „противъ русской вѣдомости напечатано, будто адмиралъ Нуммерсъ 10 русскихъ ладей разорилъ, и торговый корабль взялъ, въ немъ жъ было мушкѣтовъ, пороху, и иныхъ товаровъ, и хотѣлъ къ Шлосбургу плыти"—тщательно вычеркивались. Извѣстіе изъ Львова, напримѣръ, объ отнятіи сана у князя волошскаго и молдавскаго за переписку съ Москвой зачеркнуто и даже заклеено кусочкомъ бумаги. Даже реляціи о неудачахъ русскихъ составлялись такъ, чтобы по возможности скрыть неблагопріятное впечатлѣніе, которое заключалось въ извѣстіи. Въ данномъ случаѣ очень интересна „реляція о поведеніи бывшемъ въ армеѣ Его царскаго Величества маіа съ тридесятаго числа 1711 году и о бою съ турки, и о постановленіи вѣчнаго мира", т. е. о неудачномъ Прутскомъ походѣ Петра. Реляція эта, повидимому, написана съ тою цѣлью, чтобы устранить неблагопріятные для правительства толки, неминуемо бывшіе по полученіи извѣстія о понесенныхъ нами потеряхъ. Въ этихъ видахъ, реляція сначала говоритъ о передвиженіи русскихъ войскъ съ 23-го мая; подъ 7-мъ іюля возвѣщается, что непріятель „разрѣзалъ коммуникацію" между главною арміей и генераломъ Реномъ; что 9-го и 10-го числа были сраженія, въ которыхъ турки проиграли, и тогда уже воинскій совѣтъ положилъ предложить туркамъ миръ, который и былъ заключенъ 12-го іюля. Послѣ этого помѣщено извѣстіе о взятіи Браилова генераломъ Реномъ, что также, вѣроятно, сдѣлано съ разсчетомъ успокоить нѣсколько національное самолюбіе. Вся реляція потомъ перешла въ журналъ Петра Великаго, но измѣненная; это любопытно въ томъ отношеніи, что все скрытое въ Вѣдомостяхъ объясняется съ большею подробностью въ журналѣ, откуда можно судить, почему русскіе, повидимому, одержавшіе побѣды, первые сильно хлопотали о мирѣ.

Переписку и запросы цензурнаго характера мы видимъ и по вопросамъ внутренней политики. Среди нихъ мы не можемъ не упомянуть о запросѣ, сдѣланномъ печатнымъ дворомъ, можно ли напечатать извѣстіе, „что царское Величество католикамъ вольное употребленіе вѣры въ своей (русской) землѣ позволилъ". Конечно, такого позволенія не было, и печатать это извѣстіе было запрещено.

Петръ Великій умеръ. Не умерло его дѣло преобразованія Россіи, но оно должно было замереть: враждебныя ему силы подняли голову и стремились къ старому. Указъ отъ 4-го октября 1727 года Санктъ-Петербургскую типографію отдалъ въ вѣдѣніе Академіи Наукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и скончалась первая русская газета; ей на смѣну явилась новая газета, издаваемая Академіей Наукъ — С.-Петербургскія Вѣдомости.

Переходя къ описанію этой второй русской газеты за первую четверть вѣка ея существованія, мы подведемъ здѣсь итогъ нашего ознакомленія съ первыми Вѣдомостями времени Петра. Изъ приведеннаго выше несомнѣнно то, что Вѣдомости возникли не въ силу потребности въ нихъ общества, а по волѣ великаго преобразователя, который былъ первымъ русскимъ публицистомъ и редакторомъ русской газеты; держались Вѣдомости тоже лишь волею и силою царскаго указа.

Уменьшеніе числа экземпляровъ Вѣдомостей, стремленіе наполнить ихъ юмористическимъ матеріаломъ и „легкимъ чтеніемъ", потребность въ сообщеніи самыхъ элементарныхъ свѣдѣній — все это обнаруживаетъ крайнюю некультурность и невѣжественность русскихъ начала XVIII в., отсутствіе у нихъ политическихъ и умственныхъ интересовъ.

Съ другой стороны, зависимость изданія Вѣдомостей отъ нѣсколькихъ учрежденій, изъ которыхъ каждое старалось избавиться отъ нихъ, отсутствіе какой-либо правильной организаціи дѣла, создаютъ медлительность и неаккуратность выхода въ свѣтъ номеровъ до такой степени, что къ нимъ пропадалъ всякій интересъ и потребность. Эти условія пагубно отражались на ростѣ газеты и были причиною того печальнаго факта, что первая русская газета не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ ни въ литературѣ, ни въ общественномъ сознаніи русскаго общества. Вѣдомости времени Петра Великаго не нашли себѣ читателя и заживо умирали...

II.

С.-Петербургскія (Академическія) Вѣдомости (1727 — 1756 г.).

1.

И коллегія иностранныхъ дѣлъ, гдѣ составлялась первая русская газета, и С.-Петербургская типографія, гдѣ она печаталась, какъ мы видѣли, не знали, какъ избавиться отъ навязанной, лишней работы: отъ нея они получали лишь „шумъ и осужденіе“. Характерна для отношеній къ Вѣдомостямъ времени Петра приписка на поляхъ, сдѣланная въ 1726 году неизвѣстной рукой:—„куранты не тишеютъ какъ древо иудово“ [1]). Надо думать, что приписка сдѣлана въ типографіи, такъ какъ Волковъ продолжалъ доставлять матеріалъ для газеты, но типографія его почти не печатала; по крайней мѣрѣ печатныхъ номеровъ меньше, чѣмъ рукописныхъ, и извѣстія печатались не всѣ, а по выбору. Но и самъ Волковъ, утомленный и заваленный работой, говорилъ о томъ, чтобы какъ-нибудь отбыть повинность и печатать газету „по цѣлой книжке: скопя почтъ по 20-ти здѣсь: а въ Москвѣ почтъ по 50-ти“ [2]).

Изъ этого легко видѣть, что въ Россіи со смертью Петра газета перестала существовать. Видя это, не задолго до того основанная Академія Наукъ рѣшила взять газетное дѣло въ свои руки. Оно какъ нельзя болѣе подходило къ роли, которую Академія должна была выполнить, а съ другой стороны газета не могла найти болѣе подходящихъ условій и лучшаго издателя, какъ высшее ученое и при томъ правительственное учрежденіе. Дѣло въ томъ, что газета въ то время еще не могла быть въ рукахъ частныхъ лицъ: они не могли располагать тѣми средствами, какія были въ рукахъ правительства; частному лицу, напримѣръ, едва-ли позволили бы выписывать столько иностранныхъ газетъ, сколько нужно для изданія періодическаго органа, желающаго слѣдить за жизнью всего міра. У частныхъ лицъ не было и не могло быть переводчиковъ, которые регулярно переводили бы извѣстія изъ иностранныхъ газетъ—этихъ главныхъ источниковъ русской газеты; у нихъ не было, наконецъ, типографіи; а правительственная типографія едва ли бы стала исполнять частные заказы,

---

[1]) Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей 1702—1727 г. М. 1903 г., стр. 62.

[2]) Тамъ же, стр. 75.

разъ она тяготилась печатаніемъ Вѣдомостей, издаваемыхъ правительствомъ. Академія же Наукъ, за исключеніемъ типографіи, имѣла всѣ средства къ изданію газеты: у нея былъ цѣлый кадръ переводчиковъ; редакторомъ газеты она могла назначить спеціальное лицо съ извѣстнымъ и необходимымъ въ этомъ дѣлѣ научнымъ цензомъ; да и само издательство газеты ей подходило болѣе всего, разъ она была призвана не только разрабатывать науку, но и насадить просвѣщеніе въ Россіи. Академія сама сознавала огромную роль, которую газета могла сыграть въ насажденіи просвѣщенія въ странѣ. Она пишетъ Кипріянову въ 1728 г., что если ея газета будетъ выписываться всѣми учрежденіями, то „и самому народу великая польза быть имѣетъ. И такимъ легкимъ образомъ можно онымъ часъ отъ часу охоту и желаніе къ наукамъ присовокуплять“ [1]). Сознавая такую силу печати, Академія вообще желала выступить на поприщѣ издательства. Такъ въ 1727 году она начала издавать свои мемуары, подъ заглавіемъ Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, состоящіе изъ трудовъ академиковъ. Съ этого же года она рѣшила издавать газету. Еще въ 1726 году Академія начала хлопоты по ея изданію: она назначила спеціальное лицо для редактированія Вѣдомостей и повела переписку о печатаніи ихъ въ С.-Петербургской типографіи, такъ какъ своей типографіи у Академіи не имѣлось. Въ то время и такое разрѣшеніе давалось кабинетомъ Ея Величества. Туда-то Академія и входитъ съ доношеніемъ 1-го декабря 1726 года слѣдующаго содержанія: „По указу Ея Императорскаго Величества, въ Академіи наукъ опредѣлено нарочный профессоръ для собиранія публичныхъ Вѣдомостей и газетовъ, и оныя надлежитъ печатать. А понеже въ рѣченной Академіи собственная типографія не учреждена, того ради всепокорно прошу дабы повелѣно было, указомъ Ея Императорскаго Величества, помянутыя вѣдомости, газеты и прочая, что сочинится въ Академіи, печатать въ Санктпетербургской типографіи, не токмо на латинскомъ, на нѣмецкомъ, но и на россійскомъ (sic) языкахъ, дондеже учредится въ Академіи собственная типографія. О семъ доноситъ лейбъ-медикъ и президентъ Академіи наукъ Л. Блюментростъ“ [2]).

На эту скромную и законную просьбу Кабинетъ Ея Величества охотно далъ свое согласіе, благо всѣми дѣлами въ немъ вѣдалъ дѣловитый и просвѣщенный, еще слуга Петра Великаго, кабинетъ-се-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, Матеріалы для ист. Рос. Акад. наукъ, т. I, стр. 370.
[2]) *Сухомлиновъ*, Матеріалы, т. I, стр. 207.

кретарь Алексѣй Макаровъ, который принималъ участіе въ Вѣдомостяхъ времени Петра. Онъ обращается въ С.-Петербургскую типографію съ распоряженіемъ, чтобы „присылаемыя изъ Академіи газеты и всякія вѣдомости печатались на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ до тѣхъ мѣстъ (sic), пока учреждена будетъ въ той Академіи особая типографія“ [1]). Макаровъ не ограничился этимъ распоряженіемъ, а постарался помочь Академіи въ составленіи газеты, въ чемъ она, конечно, нуждалась, какъ неискушенная еще опытомъ. Съ этой цѣлью изъ Кабинета Ея Величества посылается приказаніе въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отсылать всѣ извѣстія, „какія случаются въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ“ въ Академію Наукъ.

Получивъ разрѣшеніе печатать свою газету, Академія спѣшитъ узнать въ С.-Петербургской типографіи, „обрѣтаются ли литеры на латинскомъ, нѣмецкомъ и россійскомъ языкахъ, которыми бы справиться было въ печатаніи вышеозначенныхъ газетовъ и вѣдомостей можно“ [2])?

Такую переписку вела Академія Наукъ въ стремленіи издавать свою газету съ начала 1727 года.

До сихъ поръ неизвѣстно, удалось-ли ей выпустить въ этомъ году газету или же приведенныя хлопоты остались не использованными. Напротивъ того, до сихъ поръ считали, что Академія начала выпускать свою газету лишь съ начала 1728 года. Такъ говоритъ Неустроевъ въ своемъ „Историческомъ розысканіи о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“ [3]).

Академикъ П. Пекарскій въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что въ 1728 году „С.-Петербургскія Вѣдомости“ могли считать второй годъ своего существованія [4]). Это указаніе Пекарскій дѣлаетъ вскользь, не упоминая, кѣмъ издавалась газета первый годъ; а это крайне важно въ виду того, что, какъ онъ говоритъ, Академія начала издавать газету съ 1728 года [5]).

Такъ рѣшается вопросъ о началѣ С.-Петербургскихъ Академиче-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, Матеріалы, т. I, стр. 211.

[2]) Тамъ же, стр. 210.

[3]) Изданіе 1875 г. С.-Пб., стр. 2-ая: „Редакція ихъ (вѣдомостей) поступила въ завѣдываніе Академіи Наукъ, которая 2-го генваря 1828 года и выдала первый нумеръ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

[4]) „Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ“.

[5]) Записки Императорской Академіи Наукъ, томъ II. С.-Петербургъ, 1867 г., стр. 86.

скихъ Вѣдомостей. Здѣсь мы не находимъ опредѣленнаго отвѣта, но помимо того, что Академіи не было надобности откладывать изданіе газеты на цѣлый годъ, когда ей такъ счастливо удалось разрѣшить техническія условія изданія, мы имѣемъ прямое свидѣтельство современника и при томъ близко знакомаго съ положеніемъ дѣла, *что Вѣдомости издавались при Академіи Наукъ съ 1727 года*. Это свидѣтельство даетъ намъ позднѣйшій редакторъ академической газеты— Г. Ф. Миллеръ.

„*Съ начала 1727 года*, пишетъ онъ, начали печататься при Академіи газеты на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ такомъ размѣрѣ, какъ этого еще никогда не было въ Россіи. Петръ Великій велѣлъ въ 1702 году печатать въ Москвѣ первыя газеты, но только тогда, когда происходило въ его царствованіе что-либо замѣчательное, о чемъ онъ желалъ извѣстить своихъ подданныхъ. Академія выпускала свои вѣдомости первый годъ еженедѣльно по разу, величиною въ листъ, а съ начала 1728 года два раза въ недѣлю отпечатывала полъ-листа, чтобы они съ каждой почтой могли быть отправлены“ [1]).

Этимъ словамъ современника и редактора газеты мы не имѣемъ основаній не довѣрять, т. е., другими словами, нельзя сомнѣваться, что С.-Петербургскія Академическія Вѣдомости издавались съ начала 1727 года. Это свидѣтельство Миллера подтверждается у него же въ различныхъ мѣстахъ. Такъ, передавая о профессорскихъ лекціяхъ въ Академіи, на которыхъ не было охотниковъ, въ своей исторіи онъ говоритъ, что „когда сдѣлалось явнымъ, что устное преподаваніе не можетъ производиться, по неимѣнію слушателей, то 8-го и 14-го марта 1727 года объявлено было въ газетахъ, что профессора Бильфингеръ и Дювернуа будутъ читать для всѣхъ желающихъ публичныя лекціи по физикѣ и анатоміи съ экспериментами“. Такого объявленія въ Вѣдомостяхъ времени Петра нѣтъ, слѣдовательно, оно подтверждаетъ существованіе другой газеты, т. е. при Академіи.

Да Вѣдомости времени Петра за этотъ годъ почти и не существовали. Все, что мы имѣемъ отъ этого года, очень ничтожно. Коллегія иностранныхъ дѣлъ не выпустила ни одного номера за весь годъ. Лишь одинъ новогодній номеръ о торжествахъ при дворѣ представляетъ изъ себя нѣчто цѣльное, законченное, но и тотъ едва-ли былъ выпущенъ; по крайней мѣрѣ можно въ этомъ сомнѣваться. Весь же матеріалъ предполагаемаго второго номера представляетъ лишь пере-

---

[1]) *Миллеръ*. Исторія Акад. Наукъ.

становку статей и извѣстій, не принявшихъ, повидимому, окончательной формы. Его составленіе настолько затянулось, что онъ могъ выйти, если это даже и было, не раньше 17-го іюля, т. е. черезъ *полгода* послѣ перваго. Эта затяжка сама по себѣ уже показываетъ, какъ вяло шло дѣло и что оно вотъ-вотъ должно было порваться.

Такъ и случилось. Скоро Вѣдомостей времени Петра не было. И коллегія иностранныхъ дѣлъ уже въ октябрѣ обращается сама въ Академію съ просьбой помѣстить въ академической газетѣ опроверженіе „на иностранные куранты и разглашенія", ходившія за границей о Петрѣ II, что будто онъ желаетъ „по отправленіи въ Москвѣ коронаціи своей, тамо впредь и резиденцію свою учредить, коммерцію по прежнему въ городѣ Архангельскомъ возстановить, не стараясь только много о своемъ на Балтическомъ морѣ имѣющемъ флотѣ и о здѣшнихъ провинціяхъ". Гораздо проще было бы коллегіи иностранныхъ дѣлъ напечатать подобное опроверженіе въ своей газетѣ, если бы она существовала; но ея уже не было, ее смѣнили С.-Петербургскія Академическія Вѣдомости.

Конечно, и теперь вопросъ можетъ быть спорнымъ, но вся бѣда въ томъ, что несмотря на свидѣтельство Миллера, что Вѣдомости выходили еженедѣльно, мы не имѣемъ ни одного номера отъ этого года, и намъ приходится оставаться въ области болѣе или менѣе приблизительныхъ догадокъ.

Уже во времена Миллера, по его словамъ, номера газеты въ академическомъ архивѣ найти было очень трудно: „Г. Гольдбахъ самъ ихъ не сохранялъ". Намъ нигдѣ не удалось видѣть ихъ.

Указать прямыя причины такому отсутствію академической газеты за первый годъ существованія, конечно, очень трудно. Должно, однако, принять во вниманіе, что наступило какъ разъ смутное, переходное и даже реакціонное время, когда было не до газетъ и просвѣщенія. Съ другой стороны общество еще совсѣмъ не нуждалось въ подобной роскоши, какъ газета, что видно по тому ничтожному количеству, въ которомъ печатались Вѣдомости времени Петра за послѣдніе годы. Наконецъ, читатели даже могли и не знать, что Академія основала свой органъ, и поэтому могли не выписывать газеты. Это очень легко могло случиться при тогдашнихъ средствахъ оповѣщенія населенія о всѣхъ новостяхъ и при отсутствіи книжной лавки или торговли отъ Академіи даже въ Москвѣ.

Принявъ во вниманіе эти соображенія, мы, можетъ быть, приблизимся

къ истинной причинѣ отсутствія повсюду академической газеты за первый годъ [1]).

2.

Въ Петербургѣ С.-Петербургскія Вѣдомости печатались въ старой типографіи до октября мѣсяца 1727 года, когда она была упразднена, а при Академіи открылась собственная типографія. Произошло это по указу Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 4-го октября: „О бытіи въ Санктпетербургѣ типографіямъ только при Сенатѣ и при Академіи, о переводѣ въ Москву для печатанія церковныхъ книгъ типографій, находящихся при Синодѣ и при Александровскомъ монастырѣ" [2]). Указъ этотъ вызванъ былъ стремленіемъ реакціонной партіи во главѣ съ Долгорукими возвратить жизнь Россіи къ тому состоянію, „какъ было прежде сего издревнѣ жъ", по выраженію указа. Съ этой цѣлью имъ былъ совершенъ полный разгромъ ненавистныхъ типографій, какъ наслѣдія Петровскаго времени.

Осталось лишь три типографіи во всей Россіи, кромѣ Кіевской: одна для печатанія указовъ—въ Сенатѣ, другая для печатанія „историческихъ книгъ", которыя на Россійскій языкъ переведены и въ Синодѣ „пробованы будутъ" — при Академіи, и третья только для однихъ церковныхъ книгъ—въ Москвѣ. Съ этой цѣлью всѣ книги были отданы въ цензуру Синода, „чтобъ никакихъ въ печатаніи тѣхъ книгъ погрѣшностей и противности, какъ закону, такъ и церкви быть не могло, того Синоду по должности своего званія смотрѣть прилежно".

Повсюду были сокращены штаты и прекращена выдача денегъ изъ казны на содержаніе типографій. „Служителей и мастеровыхъ людей—говоритъ указъ—опредѣлить безъ излишества, и жалованье имъ давать изъ типографскихъ доходовъ по тому, какъ было прежде сего издревнѣ жъ; а директору Михаилу Аврамову и прочимъ мастеровымъ людямъ, которые при вышеупомянутой Синодальной типографіи обрѣтаются, съ сего нашего указа жалованья не давать".

Однако послѣдствія указа превзошли всякія ожиданія; типографія не могла найти болѣе подходящаго хозяина, чѣмъ Академія, и въ ея

---

[1]) Въ самое послѣднее время, когда эта статья уже была набрана, намъ пришлось услышать вѣсть, что въ частныхъ собраніяхъ гор. Кіева есть какіе-то номера С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, и весьма возможно, что даже именно *за 1727 годъ*. Однако это извѣстіе не давало намъ точныхъ данныхъ даже объ указанныхъ собраніяхъ, чтобы мы могли произвести осмотръ этихъ номеровъ.

[2]) Полное собраніе законовъ № 5175.

рукахъ типографія была устроена, по выраженію Пекарскаго, „въ такихъ размѣрахъ, которыхъ никогда не достигала ни одна изъ прежде существовавшихъ въ Россіи книгопечатней, до самаго разрѣшенія учреждать подобныя заведенія частнымъ лицамъ“ [1]). Она снабжала всѣмъ необходимымъ и другія казенныя типографіи; у нея же учились или отъ нея поступали и рабочіе. Подобной помощью позже пользовались всѣ казенныя типографіи: морского вѣдомства, Московскаго университета, сухопутнаго шляхетскаго корпуса, артиллерійская, сенатская.

Открывъ свою типографію, Академія Наукъ съ начала 1728 года начала издавать газету два раза въ недѣлю. Объ этомъ извѣщалось въ концѣ перваго номера: „Сіи вѣдомости будутъ впредь дважды въ недѣлѣ, а именно: во вторникъ и въ пятницу, на почтовомъ дворѣ и въ новой библіотекѣ выданы; которые охоту имѣютъ оные держать, и за оные половину денегъ на передъ платить, тѣмъ будутъ оные порядочно присланы“. Въ 1729 году, вмѣсто пятницы, газета выходила въ субботу, а съ 1730 года—по понедѣльникамъ и четвергамъ. Форматъ ея былъ съ 1728 по 1804 годъ въ 4 листа; форматъ перваго года изданія установить нельзя. Каждый номеръ состоялъ изъ 4-хъ страницъ, перенумерованныхъ съ начала года, такъ что въ 1728 году всего страницъ 424. Первый листъ каждаго номера имѣлъ слѣдующій заголовокъ: „Санктпетербургскія Вѣдомости № 1“. Въ срединѣ гербъ—двуглавый орелъ (онъ измѣнялся нѣсколько разъ, напримѣръ съ 7-го ноября 1729 года и др.). Во вторникъ 2 дня генваря 1728 года. Печатаны въ типографіи Академіи Наукъ“. Со второго года изданія газета выходила очень аккуратно; на слѣдующій день по выходѣ она уже была въ рукахъ петербургскаго читателя. Это видно изъ надписей, сдѣланныхъ неизвѣстной рукой на нѣкоторыхъ номерахъ, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ. Вѣдомости издаются, какъ мы видѣли, первый годъ при помощи коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но непосредственно отъ Академіи. Позже для ихъ изданія былъ составленъ цѣлый штатъ сотрудниковъ съ редакторомъ-профессоромъ во главѣ. Такъ какъ академическая газета состояла большею частью изъ иностранныхъ извѣстій, почерпаемыхъ изъ газетъ, то главными сотрудниками ея были академическіе переводчики; ихъ всегда былъ цѣлый штатъ; такъ въ 1742 году было семь переводчиковъ: В. Третьяковскій—зналъ языки латинскій и французскій; Горлецкій—французскій; И. Голубевъ—латинскій и нѣмецкій; В. Ле-

---

[1]) *Пекарскій*, Исторія Ак. Наукъ, т. I.

бедевъ—латинскій и нѣмецкій; И. Поповъ — латинскій и нѣмецкій; И. Сечихинъ, Л. Рассохинъ—китайскій и манджурскій. Работа переводчиковъ производилась чисто канцелярскимъ путемъ: они лѣнились, манкировали своими обязанностями, не желали работать, за что получали угрозы и наказанія. Въ этомъ отношеніи очень интересенъ указъ переводчику Фрейгангу 1742 года. „Ежели вы по сему исполнять, или же по вышеозначеннымъ днямъ прежде и послѣ обѣда для вѣдомостной работы со всѣми къ тому принадлежностями ходить и оныхъ въ Академіи при своихъ мѣстахъ дѣлать не будете, а притомъ станете прежде того изъ Академіи уходить, и ежели послѣдняя ревизія и корректура вами отправится, или велите корректуру Вѣдомостей и примѣчаній къ себѣ на домъ носить, а отъ того сдѣлается въ отправленіи на почту Вѣдомостей съ примѣчаніями остановка, то во первыхъ будете штрафованы по регламенту вычетомъ жалованья, а послѣ де съ вами по силѣ указовъ Ея Императорскаго Величества поступлено быть имѣетъ". Подобными мѣрами и при подобной постановкѣ дѣла можно было заставить находиться на своихъ мѣстахъ, но отъ этого работа все же была за страхъ, а не за совѣсть. Къ тому же трудно было переводчикамъ иначе относиться къ дѣлу, при тѣхъ условіяхъ жизни, при которыхъ имъ приходилось работать. Отъ этихъ условій, несомнѣнно, многое зависѣло въ качествѣ академической газеты; и съ этой стороны интересно взглянуть на жизнь переводчиковъ, хотя бы въ тѣхъ предѣлахъ, которые доступны намъ по архивнымъ документамъ.

Матеріальное положеніе ихъ было прямо бѣдственное. Переводчикъ Илья Петровъ получаетъ съ 1729 года „награжденіе токмо по два рубля на мѣсяцъ отъ чего въ крайней бѣдности и нищетѣ пребываетъ". Онъ едва не умеръ съ голода, и скоро ему „не токмо не охотно" будетъ работать, но и не возможно. Вслѣдствіе этого онъ проситъ Академію, „ежели его труды нынѣ и впредь угодны будутъ, чтобъ за оные награжденія по 8 рублей на мѣсяцъ, съ нынѣшняго 1731 года, милостивѣйше опредѣлено было, дабы и впредь съ такою же охотою и прилежаніемъ могъ, съ какою и понынѣ, хотя съ превеликою трудностью, однакожъ отправлялъ; что впредь, не имѣя ни пищи, ни одежды, учинить не токмо весьма неохотно, но и невозможно будетъ" [1]).

„Я въ твердомъ надѣяніи пребываю,—продожаетъ переводчикъ, что

---

[1]) *Сухомлиновъ,* т. II, стр. 50.

Государственная Академія Наукъ и сама моей работы напрасно не потребуетъ, такожде и того не пожелаетъ, чтобъ я, въ ся услуги будучи, безъ хлѣба и безъ одежды былъ: такъ какъ и нынѣ уже бы давно съ голоду умеръ, ежели бы нѣкоторый изъ моихъ милостивыхъ благодѣтелей, видя толикое мое бѣдное и весьма убогое состояніе, мнѣ пропитаніе не давалъ" [1]).

Казалось бы, что подобное положеніе переводчика Вѣдомостей обязывало Академію улучшить его, на самомъ же дѣлѣ Академія прибавила Петрову всего 4 рубля, но за то обязала новой работой: „а для совершеннаго нѣмецкаго, латинскаго и французскаго языковъ понятія и въ наукѣ искуства быть ему при адъюнктахъ Адольфѣ Бергардѣ, Крамерѣ, Василіи Адобуровѣ и при Василіи Третьяковскомъ переводчикѣ. Кромѣ того, ему, Петрову, касающіяся до академической канцеляріи нѣмецкія письма переводить, и показанныя отъ адъюнктовъ и переводчика науки прилежно обучаться, и въ переводѣ остановки не чинить" [2]).

Однако и на 6 рублей существовать можно было лишь при даровомъ столѣ изъ милости, какъ то пишетъ переводчикъ Илья Яхонтовъ: „По оному моему прошенію опредѣлено мнѣ тогда токмо по 6 рублевъ и за неимѣніемъ свободной пищи, которую прежде отъ помянутаго господина Шванвица получалъ, нынѣ себя содержать не могу и отъ того прихожу въ крайнюю бѣдность и превеликое разореніе". Если къ этому мы прибавимъ, что и такое маленькое жалованье Академія платила неисправно, такъ какъ сама всегда нуждалась въ деньгахъ, то получается картина очень безотрадная. Надо принять еще во вниманіе, что переводчики были люди возмужалые и даже семейные; да ихъ профессія была все же изъ интеллигентныхъ, которая тоже обязывала къ извѣстному образу жизни и соотвѣтствующимъ расходамъ.

Переводчики несли массу обязанностей и всегда были завалены работой; такъ, кромѣ переводовъ для Вѣдомостей, они должны были слушать лекціи, заниматься науками и быть въ услуженіи у канцеляріи тоже въ качествѣ переводчиковъ большой корреспонденціи, происходившей на иностранныхъ языкахъ. Корректуру Вѣдомостей вели тоже переводчики. При такихъ условіяхъ, конечно, они не могли сколько-нибудь добросовѣстно относиться къ переводамъ иностран-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, т. II, стр. 70.
[2]) *Сухомлиновъ*, т. II, стр. 262—3.

ныхъ газетъ, отчего прежде всего страдали С.-Петербургскія Вѣдомости. Но едва-ли возможно ихъ винить въ этомъ.

Изъ отдѣльныхъ лицъ, участвовавшихъ въ газетѣ, надо отмѣтить ревностнаго сотрудника, оберъ-секретаря Ивана Кирилова. Онъ то сообщаетъ „для внесенія въ куранты о ярмаркахъ въ Ригѣ и въ Кіевѣ", то шлетъ „малое нѣкоторое увѣдомленіе, что до коммерціи касается", то его просятъ, чтобы онъ прислалъ что-нибудь, „ежели что куріозное найдетъ въ архивахъ о фамиліяхъ" и проч. — Словомъ онъ занимаетъ крупное мѣсто среди сотрудниковъ газеты 18-го вѣка, его первой половины, когда сотрудниками могли быть лишь люди съ положеніемъ, дѣлавшіе это лишь по охотѣ.

Во главѣ редакціи стоялъ назначенный Академіей редакторъ. Первымъ редакторомъ Вѣдомостей до сихъ поръ считался Миллеръ; однако, по его же свидѣтельству, первымъ редакторомъ былъ профессоръ Гроссъ. „Онъ писалъ, пишетъ Миллеръ, шесть мѣсяцевъ; слѣдующіе мѣсяцы писалъ г. Бекенштейнъ. Съ начала 1728 года это занятіе выпало на долю мнѣ". Стало быть, Миллеръ былъ третьимъ редакторомъ академической газеты. На эту должность онъ былъ назначенъ указомъ президента 6-го января 1728 года. „По указу Ея Императорскаго Величества надлежитъ опредѣлить въ архивѣ и для сочиненія нѣмецкихъ курантовъ изъ гимназіи студента Миллера" [1]).

Онъ редактировалъ газету до половины 1730 года, когда былъ посланъ за границу въ командировку, а его мѣсто занялъ Крамеръ. Благоволившій къ Миллеру всесильный Шумахеръ писалъ по этому поводу за границу слѣдующее: „но на мой вкусъ онѣ (Вѣдомости) были бы пріятнѣе, когда бы проходили черезъ ваши руки. Поэтому и для вашей выгоды я бы очень желалъ, чтобы вы поспѣшили, какъ возможно скорѣе вашимъ возвращеніемъ". По возвращеніи изъ-за границы Миллеру опять было возвращено редакторство Вѣдомостей. „Профессоръ Господинъ Герхардтъ-Фридрихъ Миллеръ, говорится въ постановленіи Академіи, долженъ, какъ прежде, писать С.-Петербургскія нѣмецкія вѣдомости и въ этомъ ему долженъ помогать адъюнктъ г. Крамеръ; къ окончанію будетъ имъ прикомандированъ копіистъ Иванъ Шмидтъ, чтобы онъ могъ нужное какъ по нѣмецки, такъ и по русски писать и переписывать" [2])...

Дружба Миллера съ Шумахеромъ скоро порвалась, и онъ принуж-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, т. I, стр. 346.

[2]) *Сухомлиновъ*, т. II.

денъ былъ даже ѣхать въ Сибирскую экспедицію, чтобы избавиться отъ преслѣдованій Шумахера. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ Миллеръ въ письмѣ къ Теплову: „Ненависть Шумахера противъ меня началась съ 1732 года, когда Сенатъ прислалъ указъ профессорамъ разсмотрѣть академическіе штаты, составленные г. Шумахеромъ. Я тогда думалъ, что долгъ мой требуетъ присоединиться при этомъ разсмотрѣніи къ прочимъ профессорамъ, моимъ товарищамъ, и такъ какъ въ проектѣ штатовъ нашлось много заслуживающаго порицанія, то и не колебался высказать мое истинное мнѣніе. Это привело г. Шумахера въ негодованіе противъ меня... Для избѣжанія его преслѣдованій, я вынужденъ былъ отправиться въ путешествіе по Сибири, чему онъ одинъ благопріятствовалъ, лишь бы удалить меня отъ тѣхъ, которые пользовались тогда моимъ перомъ“ [1]).

Мы нарочно остановились на участіи Миллера въ Вѣдомостяхъ, такъ какъ онъ былъ выдающимся ихъ редакторомъ, послѣ котораго, можно съ увѣренностью сказать, академическая газета не имѣла подобныхъ. Миллера можно назвать организаторомъ Вѣдомостей, послѣ котораго въ нихъ долго ничто не измѣнялось. Выходившія при нихъ „Примѣчанія“ сыграли огромную просвѣтительную роль — этимъ Россія обязана всецѣло Миллеру. Поэтому нельзя не пожалѣть, что всевластіе Шумахера лишило газету такого незамѣнимаго труженика, каковымъ былъ Миллеръ.

Послѣ него редакторы С.-Петербургскихъ Вѣдомостей мѣнялись довольно часто; такъ въ 1733 году редакторомъ былъ назначенъ Таубертъ, который „при прочей своей обязанности отправлялъ по 1736 годъ“. Но и послѣ онъ не разъ занималъ эту должность. Въ 1743 году Академія Наукъ, „усмотрѣвъ въ прежнихъ, какъ Россійскихъ, такъ и нѣмецкихъ вѣдомостяхъ, многіе неисправности приказала: для отвращенія оныхъ впредь поручить попрежнему сочиненіе вѣдомостей унтеръ-библіотекарю Господину Тауберту, которому при томъ же имѣть смотрѣніе надъ академическими переводчиками и исправляя ихъ переводы, прилагать возможное стараніе“ [2]). Послѣ пожара въ Академіи въ 1748 году Таубертъ отчисляется отъ должности редактора, и ему поручаютъ „привести въ извѣстность уцѣлѣвшія отъ огня книги и вещи, а выборка для газеты иностранныхъ извѣстій возлагается на Штелина“ [3]). Но и позже мы видимъ Тауберта у Вѣ-

[1]) *Пекарскій*, т. I, стр. 25—6.
[2]) *Сухомлиновъ*, т. V, стр. 1005—6.
[3]) *Пекарскій*, т. I, стр. 647.

домостей; въ 1751 году, когда Ломоносовъ отказался отъ редакторства, онъ снова принялъ на себя эту обязанность. Не смотря на такое долгое занятіе академической газетой, Таубертъ не оставилъ какого-нибудь по себѣ слѣда. Вообще должность редактора замѣщалась тѣми, кто былъ угоденъ Шумахеру внѣ всякой зависимости отъ дарованій и наклонностей, что видно уже по одному поступку съ Миллеромъ. Да со временемъ роль редактора становилась только номинальной. За массою дѣлъ редакторы не успѣвали исполнять редакторскихъ обязанностей, и хозяевами газетнаго матеріала были переводчики. Одинъ изъ редакторовъ — Ломоносовъ довольно оригинально понималъ обязанности редактора: онъ пишетъ президенту Академіи слѣдующее: „По данной мнѣ академической канцеляріей инструкціи долженъ я разсматривать только одинъ переводъ Россійской; а до Россійскихъ артикуловъ нѣтъ мнѣ никакого дѣла. Ибо оные присылаются отъ канцеляріи въ экспедицію, и такъ, какъ есть, печатаются; затѣмъ въ нихъ я ничего перемѣнять не долженъ, кромѣ погрѣшностей въ Россійскомъ языкѣ“ [1])...

Но помимо такого взгляда на роль редактора, послѣдніе не могли удѣлить много своего труда на газету, какъ мы сказали, вслѣдствіе другихъ обязанностей. Миллеръ, напримѣръ, кромѣ изданія газеты и занятій въ архивѣ, велъ протоколъ академическихъ засѣданій и канцеляріи и иностранную переписку, держалъ корректуру въ типографіи и выдавалъ изъ библіотеки книги. Въ 1729 году, уѣзжая въ Москву, Шумахеръ еще передаетъ всѣ свои дѣла Миллеру же; „по присланнымъ отъ разныхъ коллегій и канцелярій промеморіямъ, и юрнальной запискѣ, и протчее отправлять и подписывать Господину Миллеру“ [2]), говорится въ приказѣ Шумахера.

Этимъ порученіемъ, правда, Шумахеръ дѣлаетъ большую честь Миллеру, но отъ этого только могло ухудшиться дѣло изданія газеты: обремененный трудами Миллеръ не могъ ему отдавать много времени. Надо только удивляться энергіи и работоспособности Миллера, благодаря которой онъ могъ еще по своему личному почину издавать „Примѣчанія“ къ академической газетѣ.

Подобное обремененіе работой редакторовъ было и позже. Напримѣръ, Нартову, стоявшему во главѣ всего управленія Академіей, поручается „въ главномъ надзираніи, во объявленіи всякихъ вѣдомостей

---

[1]) *Билярскій*, стр. 137.

[2]) *Сухомлиновъ*, т. I, стр. 595.

и газетовъ и протчаго, по силѣ именныхъ указовъ“ [1]). Мудрено-ли, что вслѣдствіе этого переводчики часто были единственными распорядителями матеріала для газеты. И это не смотря на то, что въ редактированіи газеты принимала участіе еще и канцелярія. Это участіе ея носило скорѣе цензорскій характеръ. По крайней мѣрѣ такой смыслъ можно придать по инструкціи Кейзерлинга, гдѣ въ 24 пунктѣ говорится: „нѣмецкія и русскія вѣдомости,... которыя доколѣ въ печать не придутъ, отъ господина Крамера... въ канцелярію принесены и отъ присутствующихъ членовъ цензурованы, то есть разсмотрѣны имѣютъ“. Позже по инструкціи 1748 года канцелярія цензуровала лишь русскія извѣстія газеты. Второй параграфъ инструкціи говоритъ: „Никакова артикула изъ Россіи, изъ какова бы мѣста ни было, безъ вѣдома президента или въ отсутствіи его канцеляріи, въ Вѣдомости не вносить же“. То же повторено и въ § 5: „Прежде нежели Вѣдомости въ народъ пущены будутъ, то напередъ по одному экземпляру русскихъ и нѣмецкихъ Вѣдомостей на почтовой бумагѣ Канцлеру въ домовую канцелярію вносить“ [2]).

Исполнялись эти инструкціи или нѣтъ, то есть цензуровала ли канцелярія академическую газету или нѣтъ, сказать трудно; но всегда, когда вслѣдствіе какихъ-либо ошибокъ въ газетѣ возникали недоразумѣнія, то взыскивали съ редакторовъ или переводчиковъ, а не съ „присутствующихъ членовъ“ канцеляріи.

3.

С.-Петербургскія Вѣдомости раздѣлялись на два отдѣла: внѣшнихъ извѣстій и внутреннихъ. Первый изъ нихъ всегда былъ обширнѣе и разнообразнѣе; напротивъ, русскихъ событій въ академической газетѣ было такъ же мало, какъ и въ Вѣдомостяхъ времени Петра. Онѣ помѣщаются въ концѣ номера и рѣдко когда занимаютъ больше одной двухъ страницъ. Лишь указы или какія-либо чрезвычайныя событія занимаютъ цѣлый номеръ. Внутренній отдѣлъ газеты носилъ офиціальный характеръ, и извѣстія для него собирались почти всѣ канцелярскимъ путемъ. Уже въ 1728 году Академія ходатайствуетъ передъ Сенатомъ, „чтобы повелѣно было изъ Коллегій и канцелярій и конторъ всякія вѣдомости къ печатанію тѣхъ газетовъ прислать въ оную Академію“. 1-го мая того же года, по представленію Алексѣя

[1]) *Сухомлиновъ*, т. II, стр. 418.
[2]) *Пекарскій*, т. II, стр. 395—6.

Макарова, сенатъ удовлетворилъ ходатайство Академіи и разослалъ указъ, чтобы, „какъ изъ Сената, такъ и изъ Штатскихъ Коллегій и канцелярій и конторъ о принадлежащихъ къ вѣденію народному публичныхъ дѣлахъ, кромѣ секретныхъ и не подлежащихъ къ народному извѣстію, вѣдомости для печатанія въ газеты послать въ Академію Наукъ“ [1]).

Этотъ указъ сената, вѣроятно, всюду былъ принятъ лишь къ свѣдѣнію, и Академія не получала ни откуда никакихъ извѣстій. Черезъ четыре года она опять ходатайствуетъ о присылкѣ извѣстій для газеты. „Понеже въ Академіи извѣстно учинилось, — читаемъ въ ходатайствѣ, что въ полицмейстерскую канцелярію присылаются изъ Москвы, изъ Правительствующаго Сената, о разныхъ дѣлахъ печатные указы и чинятся публичныя экзекуціи, а во Академію по выше описанному Ея Императорскаго Величества Указу для сообщенія въ куранты извѣстія не присылаются, опредѣлено: куда надлежитъ, и въ полицмейстерскую канцелярію, послать промеморію и требовать: ежели вновь какіе имѣться будутъ для публикаціи печатные указы, чтобъ для всенароднаго извѣстія сообщенія въ куранты во Академію Наукъ присланы были“. „Печатныхъ указовъ“, конечно, никому не нужно было скрывать, а потому учрежденія очень довольны были отдѣлаться отъ навязчивой Академіи этими указами. Съ этихъ поръ русскій отдѣлъ академической газеты состоитъ изъ скучнѣйшихъ указовъ и правительственныхъ распоряженій, за которыми скрывалась дѣйствительная жизнь страны. Лишь адмиралтейская коллегія сообщала о событіяхъ, происходившихъ въ ся судостроеніи. Такихъ извѣстій довольно много, и по нимъ можно прослѣдить развитіе нашего флота.

Гораздо большій отдѣлъ Вѣдомостей былъ иностранный. Это былъ переводъ изъ иностранныхъ газетъ. Первый годъ изданія всѣ иностранныя извѣстія получались черезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ, позже же Академія сама получала много газетъ, откуда академическіе переводчики переводили для Вѣдомостей. Въ 1734 году Академіей получались слѣдующія иностранныя газеты [2]): 1) Ганаускія; 2) Мангеймскія, 3) Франкфуртскія, 4) Лейпцигскія, 5) Гелскія, 6) Альтонайскія, 7) Пруская Фама, 8) Вѣнскія, 9) Голандскія, 10) Французскія, 11) Амстердамскія, 12) Лейденскія французскія, 13) Швецкія,

---

[1]) *Сухомлиновъ*, т. II-ой, стр. 85—6.

[2]) Названія приводимъ въ томъ видѣ, въ какомъ находимъ ихъ въ архивныхъ бумагахъ.

14) ученыя Лейпцигскія, 15) Ученыя нижней Саксоніи, 16) Ле пуръ и контръ, 17) Письменныя вѣдомости [1]).

Перечисленныхъ названій достаточно для того, чтобы видѣть, что матеріалъ былъ очень богатъ и обширенъ. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ онъ не распредѣлялся по рубрикамъ или отдѣламъ; здѣсь политическія извѣстія первой важности стоятъ рядомъ съ нелѣпымъ слухомъ суевѣрнаго характера, или съ извѣстіемъ о мошеннической продѣлкѣ. Такъ продолжалось довольно долго. Позже однако важныя извѣстія старались помѣстить впереди номера, и попадали они быстрѣе другихъ. Обыкновенно извѣстія изъ иностранныхъ газетъ перепечатывались въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ черезъ мѣсяцъ послѣ совершенія событія [2]). Этотъ срокъ нуженъ былъ для того, чтобы иностранная газета пришла почтой въ Россію, была переведена въ Академіи, нужное выбрано для академической газеты и вышло изъ печати. Когда же С.-Петербургскія Вѣдомости стали цензуроваться въ сенатѣ, то извѣстія попадали въ нихъ гораздо позже, чѣмъ черезъ мѣсяцъ. Однако, когда у насъ началась въ сороковыхъ годахъ военная компанія, то важныя извѣстія помѣщаются черезъ 10 дней послѣ событія. Очевидно, они доставлялись особыми курьерами и печатались тотчасъ по полученіи, въ ближайшемъ номерѣ.

Долгое время С.-Петербургскія Вѣдомости издавались за отвѣтственностью и по усмотрѣнію редакторовъ; имъ не давалось никакихъ инструкцій или руководствъ. Только по прошествіи 20-ти лѣтъ изданія газеты при редакторѣ Штелинѣ была дана инструкція „Вѣдомостной экспедиціи“ относительно составленія вѣдомостей. Эта инструкція ясно намъ характеризуетъ то время и тѣ условія, при которыхъ издавался академическій органъ. Въ трехъ параграфахъ инструкціи излагается техническая сторона составленія Вѣдомостей. Эта часть ея тоже очень интересна; она раскрываетъ намъ весь канцелярскій механизмъ, черезъ который проходили Вѣдомости. „Господину надворному совѣтнику—читаемъ въ инструкціи—и профессору Штелину вѣдомости изъ иностранныхъ нѣмецкихъ и французскихъ письменныхъ и печатныхъ извѣстій, по понедѣльникамъ и четверткамъ, въ вѣдомостной экспедиціи писать и Лебедеву, Фрейдангу, Барсову и студенту Теплову оныя по прежнему переводить, а профессору Ломоносову оные ихъ переводы править и послѣднюю оныхъ ревизію отправ-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, т. II-ой, стр. 525—6.

[2]) Смотри газету за 1737 годъ.

лять. Корректуры какъ нѣмецкихъ, такъ и Россійскихъ Вѣдомостей въ вѣдомостной экспедиціи, а не дома — подъ штрафомъ — дѣлать, чего ради имъ всѣмъ въ вѣдомостные дни въ экспедицію приходить и каждому должность свою притомъ вѣрно и радѣтельно исполнять“ [1]).

Составленныя подобнымъ канцелярскимъ путемъ Вѣдомости по инструкціи „прежде нежели въ народъ будутъ пущены, то напередъ по одному экземпляру“ должны были вноситься въ домовую контору канцлера. Наиболѣе интересная часть инструкціи заключается въ руководствахъ принципіальнаго характера, именно: „Никакова артикулъ изъ Россіи изъ какова бы мѣста не было, безъ вѣдома президента или въ отсутствіи его канцеляріи, въ вѣдомости не вносить же“. И „въ писаніи отъ всякаго умствованія и предосудительныхъ экспресій удерживаться; особливо, что къ предосужденію Россіи или ея союзниковъ касается въ Вѣдомости не вносить“ [2]).

Несомнѣнно, правительству нежелательно было какое бы то ни было „умствованіе“, даже выходящее изъ подъ цѣлаго ряда цензуръ, которыя проходили С.-Петербургскія Вѣдомости. Не удивительно, что въ нихъ мы не находимъ никакихъ статей или разсужденій, и что извѣстія все время походили на наши „телеграфскія“ извѣстія, гдѣ сообщаются лишь голые факты. Однако и эти краткія сообщенія по инструкціи запрещалось печатать, коль скоро они касались Россіи. Вотъ почему Вѣдомости состояли изъ малоинтересныхъ переводовъ и сухихъ указовъ и правительственныхъ распоряженій.

Взглядъ на печать и право обсужденія политическихъ вопросовъ былъ въ самомъ обществѣ крайне примитивенъ: имъ совершенно не допускалось обсужденія политическихъ вопросовъ или распоряженій правительства. Въ такомъ видѣ онъ проводился и на страницахъ академической газеты. Въ № 88 за 1728 годъ въ письмѣ изъ Амстердама говорится: „Воинскихъ и мирныхъ дѣлъ основательно разсуждать суть, по моему мнѣнію, токмо тѣ достойны, которые случаи имѣютъ съ знат-

---

[1]) *Пекарскій*, т. II, стр. 395. О подробностяхъ технической стороны мы знаемъ еще изъ указа Фрейдангу отъ 1742 года: „въ каждой недѣлѣ со вторника на среду и съ пятницы на субботу съ нѣмецкаго на русскій языкъ переведены и Розе въ типографію вами исправно отданы были, дабы оныя въ среду и въ субботу по вечерамъ напечатаны, а въ четвертокъ и понедѣльникъ на почтовый дворъ отношены и въ Москву отправлены быть могли“.

[2]) *Пекарскій*, т. II, стр. 396.

ными министрами обходиться и которые о ихъ тайныхъ дѣлахъ извѣстны. Нѣкоторые принуждены скорлупами довольствоваться вмѣсто того, что сіи ядра находятъ; и когда такой, который сіе счастье не имѣетъ, думаетъ, что онъ подлинно прицѣлилъ, то находится часто, что онъ въ средину цѣли не потрафилъ".

„Что есть страннѣе, яко то, когда кто дѣйствительныя и важныя дѣла смѣшно изображаетъ. Что есть обыкновеннымъ правиламъ въ разсужденіи противнѣе, яко то, когда кто склоненіемъ права надъ мудростью власть даетъ и въ самомъ началѣ измѣняетъ, къ какой партіи онъ склоняется".

Удѣляя столь незначительному количеству лицъ право заниматься политикой, авторъ письма требуетъ еще и того, чтобы всѣ политическія извѣстія приводить „въ прежнее состояніе, чисто и безъ фальши", если онѣ искажены людьми несвѣдущими.

Подобное мнѣніе о свободѣ слова проводилось на страницахъ газеты и позже. Въ 1728 году мы встрѣчаемъ слѣдующее обращеніе редактора къ публикѣ: „Но токмо сіе напередъ себѣ выговариваемъ, чтобы отъ насъ такъ именуемые резонементы или разсужденія не ожидать, какія на другихъ мѣстахъ со оными примѣчаніями сообщать обыкновенно есть. Сіе есть нашему намѣренію противно, которое токмо туды склоняется, чтобъ оными публичные вѣдомости нашимъ читателямъ толь лучше и вразумительнѣе изъяснять".

Столь же „противно" было всякое затрогиваніе политики въ журналахъ и газетахъ другому редактору С.-Петербургскихъ Вѣдомостей— Ломоносову. Но онъ идетъ даже дальше и совершенно изгоняетъ политику изъ періодическихъ органовъ, удѣляя имъ лишь выборки изъ академическихъ изданій и мемуаровъ. Взглядъ на печать и „должность журналистовъ" Ломоносова крайне для насъ интересенъ, какъ выраженіе воззрѣнія его современниковъ, и современниковъ, если можно такъ выразиться о нихъ, либерально настроенныхъ къ наукѣ и печати, а не мало было и такихъ, которые исповѣдывали Скалозубовское пожеланіе: „собрать всѣ книги, да и сжечь".

„Всякій знаетъ, — говоритъ Ломоносовъ въ своемъ разсужденіи, какъ стали значительны и быстры успѣхи наукъ съ тѣхъ поръ, какъ было сброшено иго рабства, и мѣсто его заступила свобода разсужденія. Но нельзя не знать также, что злоупотребленіе этой свободы было причиною весьма ощутительныхъ золъ, число которыхъ однакожъ не было бы такъ велико, еслибъ большая часть пишущихъ не смо-

трѣли на свое авторство, какъ на ремесло и на средство къ пропитанію, вмѣсто того, чтобы имѣть точное и основательное изслѣдованіе истины". Указавъ далѣе цѣль образованія академій и обществъ, Ломоносовъ переходитъ къ обязанностямъ журналовъ. „Что касается до журналовъ, пишетъ онъ, то они обязаны представлять самыя точныя и вѣрныя сокращенія появляющихся сочиненій, съ присоединеніемъ къ нимъ иногда справедливаго сужденія либо о самомъ содержаніи, либо о какихъ-нибудь обстоятельствахъ, относящихся къ выполненію. Цѣль и польза такихъ извлеченій состоитъ въ томъ, чтобъ быстрѣе распространять въ ученомъ мірѣ знакомство съ новыми книгами". Признавая за журналами подобную цѣль и возможность черезъ нихъ приращенія человѣческихъ знаній, Ломоносовъ однако очень недоволенъ издателями журналовъ и даже ихъ быстрымъ увеличеніемъ въ числѣ. „Журналы могли бы много способствовать къ приращенію человѣческихъ знаній, еслибъ издатели были въ состояніи точно выполнить задачу, которую на себя приняли, и оставались въ настоящихъ предѣлахъ, предписываемыхъ имъ этой задачей. Способность и воля—вотъ чего отъ нихъ требуютъ. Способность нужна для того, чтобы основательно и съ знаніемъ дѣла обсуждать ту массу разнородныхъ предметовъ, которая входитъ въ ихъ планъ; воля—чтобы, не имѣя въ виду ничего инаго, кромѣ истины, нисколько не поддаваться предразсудкамъ и страстямъ. Тѣ, которые присвоили себѣ званіе журналистовъ безъ такого дарованія и расположенія, не сдѣлали бы этого, еслибъ ихъ не подстрекалъ къ тому голодъ и не заставилъ ихъ судить и рядить о томъ, чего они не разумѣютъ. Дѣло дошло до того, что нѣтъ столь дурнаго сочиненія, котораго бы не расхвалилъ и не превознесъ какой-нибудь журналъ, и, наоборотъ, какъ бы превосходенъ не былъ трудъ, его непремѣнно очернитъ и растерзаетъ какой-нибудь ничего не знающій или несправедливый критикъ. Послѣ того, количество журналовъ такъ умножилось, что уже некогда было бы читать книги полезныя и нужныя или самому думать и трудиться, еслибъ кто захотѣлъ собирать у себя и только перелистывать Эфемериды, Ученыя газеты, Литературныя записки, Библіотеки, Коментаріи и другія періодическія изданія этого рода. Поэтому разсудительные читатели и держатся только такихъ журналовъ, которые признаны за лучшіе, и оставляютъ въ сторонѣ тѣ жалкія компеляціи, которыя только переписываютъ или искажаютъ сказанное другими, и которыхъ вся заслуга въ томъ, что онѣ, не стѣсняясь ничѣмъ, расточаютъ желчь и ядъ. Журналистъ свѣдующій,

проницательный, справедливый и скромный сдѣлался чѣмъ то въ родѣ феникса“ [1]).

Далѣе Ломоносовъ предписываетъ „точныя границы, въ которыхъ слѣдуетъ оставаться“ критикамъ. Этими границами лишь „позволяется опровергнуть то, что по его (журналиста) мнѣнію, заслуживаетъ того въ новыхъ сочиненіяхъ, хотя это вовсе не настоящее его дѣло и не прямое его призваніе“; журналистъ долженъ всегда помнить, что „выполняемое имъ дѣло само по себѣ уже непріятно для самолюбія тѣхъ, кого онъ затрагиваетъ“. Что же касается сочиненій, изданныхъ какимъ-либо обществомъ или академіей, то ихъ и того меньше можно затрагивать, такъ какъ они уже носятъ на себѣ „печать уважительнаго одобренія“, и такъ какъ они признаны достойными лицами, которыхъ совокупность знанія естественно превосходитъ свѣдѣнія журналиста.

Достаточно этихъ выдержекъ, чтобы видѣть наивность и первобытность взгляда на роль журналистики человѣка, который все же стоялъ цѣлой головой выше толпы. Этотъ взглядъ еще не доросъ до признанія за печатью и въ частности за журналистикой общественно-политическаго служенія народу.

4.

Однако сановники и правительство были настолько требовательны и щепетильны ко всему, что касалось ихъ, что Вѣдомости не были спасены отъ цензуры даже строжайшимъ соблюденіемъ приведенныхъ правилъ. Издававшіяся долгое время безъ цензуры, С.-Петербургскія Вѣдомости были отданы подъ цензуру сената. Казалось бы, что при отмѣченномъ характерѣ ихъ изданія, этого никакъ не могло случиться, однако въ исторіи нашей періодической печати случалось самое невозможное.

Въ 1742 году изъ сената присылается въ Академію указъ, по которому и была ограничена свобода академическихъ Вѣдомостей. „Понеже — говорится въ указѣ — въ Правительственномъ Сенатѣ усмотрѣно, что въ печатныхъ Санктпетербургскихъ Россійскихъ Вѣдомостяхъ отъ Академіи Наукъ являются напечатанныя многія несправедливости, какъ и въ печатныхъ февраля 26-го дня сего году подъ № 17 напечатано, якобы того числа Ея Императорское Величество дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Михаила Безстужева пожаловала

[1]) *А. Пятковскій.* Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія, ч. II, стр. 27—30.

кавалерію святаго апостола Андрея, котораго пожалованія отъ Ея Императорскаго Величества не бывало, того ради по указу Ея Императорскаго Величества Правительственный Сенатъ приказалъ: Академіи Наукъ въ Сенатъ отвѣтствовать, съ чего оное въ тѣхъ Вѣдомостяхъ напечатано. А впредь той Академіи Наукъ показанныя *Россійскія Вѣдомости печатать съ опробаціи Сенатской конторы*, а безъ того отнюдь не печатать, дабы впредь такихъ же несправедливостей не было; и по нѣсколько тѣхъ печатныхъ Вѣдомостей присылать въ Москву въ Правительственный Сенатъ".

По такому пустому случаю газета была отдана подъ цензуру. И чтобы понять всю тяжесть постигшей кары, нужно припомнить, что почта въ Москву отправлялась лишь два раза въ недѣлю; шла она никакъ не меньше трехъ дней; обратно газета шла столько же; на цензуру номера нужно положить самое меньшее дней 5—6. Такимъ образомъ номеръ академической газеты вслѣдствіе цензуры ея въ Москвѣ терялъ дней 10—12, если удачно попадалъ къ почтовымъ днямъ и если его скоро разсматривали въ сенатѣ.

Академія Наукъ, какъ и слѣдовало ожидать, приняла эту кару безропотно и безъ всякихъ попытокъ отстоять свободу своей газеты. Она постаралась канцелярски отписаться отъ такого „казуса", который грозилъ спокойствію, но она не пыталась защитить привилегію своей газеты. На приведенный указъ она затребовала объясненія отъ редактора и запретила продавать номера безъ цензуры сената.

„Къ унтеръ-библіотекарю, господину Тауберту, послать справку, говорится въ резолюціи Академіи,—съ чего онъ сіе взялъ и отъ кого слышалъ и въ Вѣдомости внесъ 26-го февраля, якобы Ея Императорское Величество тогожъ числа тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Михаила Бестужева пожаловала кавалеріею св. апостола Андрея, котораго пожалованія никогда не было. А въ контору Правительственнаго Сената послать нынѣшнія Вѣдомости для апробаціи, при доношеніи; а къ Розе дать ордеръ, чтобъ онъ Вѣдомости безъ апробаціи Сенатской конторы не отдавалъ" [1]).

Такое быстрое подчиненіе можно объяснить лишь тѣмъ, что газета находилась въ рукахъ чиновниковъ, которые относились совершенно безразлично къ газетѣ. Иначе Академія Наукъ могла бы вполнѣ оправдаться передъ сенатомъ въ своемъ „преступленіи". Это ясно изъ отвѣта Тауберта. Изъ него видно, что виновенъ былъ кто угодно, но

[1]) *Сухомлиновъ*, т. V, стр. 75—6.

не редакція Вѣдомостей; а виновны несомнѣнно были различныя учрежденія, которыя такъ боязливо относились ко всякой гласности и оставались глухи къ просьбамъ Академіи о доставленіи свѣдѣній для печатанія въ Вѣдомостяхъ.

„Понеже большая часть Санктпетербургскихъ артикуловъ—пишетъ Таубертъ — сочиняется по одному слуху или словесному объявленію, а для внесенія въ Вѣдомости весьма рѣдко письменное что сообщается, то и оное погрѣшеніе произошло отъ слуху, который тотчасъ послѣ его (Бестужева) пріѣзду при дворѣ носился, бутто Ея Императорское Величество изволила на него надѣть голубую ленту“ [1]).

Однако и предварительная сенатская цензура Вѣдомостей не могла избавить Академію отъ непріятностей, а редакторовъ еще и отъ взысканій. Въ томъ же 1742 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ сенатъ дѣлаетъ запросъ Академіи по словесному предложенію князя Николая Юрьевича Трубецкаго, „съ какого увѣдомленія внесено и для чего такъ неисправно было напечатано въ № 40 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей въ экстрактѣ изъ журнала о придворныхъ церемоніяхъ и торжествахъ, происходившихъ Ея Императорскаго Величества при дворѣ“. Неисправность заключалась въ томъ, что въ описаніи аудіенціи представлявшихся грузинскихъ и милитинскихъ принцессъ Вѣдомости упомянули про двухъ монахинь, не приведя ихъ происхожденія. А онѣ были, какъ говоритъ сенатскій указъ, „не изъ простыхъ, но изъ знатнѣйшихъ фамилій, а именно: одна — царица грузинская, другая — царевна“. Сенату проще было бы обратиться къ своей конторѣ и спросить, почему она пропустила такой „экстрактъ“. На вину, если можно считать это виной, Сенатской конторы прямо указываетъ отвѣтъ Академіи, гдѣ говорится, что въ тѣхъ Вѣдомостяхъ напечатано было по силѣ присланнаго отъ находящагося въ Москвѣ Академіи Наукъ профессора Штелина письма, которымъ объявлено, что тотъ московскій артикулъ *уже въ Москвѣ* апробованъ. „А впредь, опять добавляетъ Академія, безъ опробаціи Правительственнаго Сената конторы русскихъ вѣдомостей въ печать она издавать не будетъ“.

Характерно въ этомъ больше всего то, что запросы и отвѣты начались по *словесному предложенію* кн. Трубецкого, который, очевидно, находилъ, что цензура сенатской конторы недостаточно строга и одно только словесное предложеніе котораго было сильнѣе „апробаціи“ конторы сената.

---

[1]) *Сухомлиновъ*, т. V, стр. 81.

Взысканія съ редакціи газеты бывали даже по частному письму какого-нибудь сановника, заботившагося о чистотѣ и непогрѣшимости академической газеты. Такъ въ канцеляріи Академіи чинилась расправа въ 1749 году по письму ассесора Теплова къ совѣтнику Шумахеру, гдѣ говорилось о недостаточной учтивости въ помѣщенномъ на страницахъ газеты извѣстіи о пожалованіи Шувалова въ камеръ-юнкеры. Недостаточную учтивость Тепловъ усматривалъ въ отсутствіи отчества Шувалова. По этому письму канцелярія Академіи „учинила" выговоръ переводчику и корректору, „дабы они впредь чины особливаго достоинства всегда вносили въ газеты съ ихъ именами и отчествомъ и съ надлежащею учтивостью", а отъ Ломоносова потребовала отвѣта.

Ни переводчикъ, ни корректоръ, ни Ломоносовъ не были нисколько виновны въ случившемся. Первые доносили Академіи, „что мы тогда у многихъ людей объ отечествѣ (sic) его спрашивали, но никто намъ того объявить не могъ; чего ради мы, отчества его не зная, такъ и оставили; а ежели бы знали, то бъ оного поставить никакъ не преминули". Ломоносовъ по свойству своего самостоятельнаго характера доносилъ Академіи нѣсколько въ иномъ стилѣ. „Въ присланномъ отъ Вашего Вы-родія ко мнѣ—писалъ онъ—отъ 15-го числа сего мѣсяца письмѣ объявлено мнѣ, яко бы несмотрѣніемъ моимъ въ Московскомъ артикулѣ здѣшнихъ вѣдомостей пропущено отечество двора Ея Величества камеръ-юнкера И. И. Шувалова. На сіе Вашему В-дію доношу, что по данной мнѣ отъ Академической Канцеляріи инструкціи долженъ я разсматривать только одинъ переводъ Россійской; а до Россійскихъ артикуловъ *нѣтъ мнѣ никакого дѣла*. Ибо оные присылаются отъ канцеляріи въ экпедицію, и такъ, какъ есть, печатаются: затѣмъ въ нихъ я ничего перемѣнять не долженъ, кромѣ погрѣшностей въ Россійскомъ языкѣ [1]), а особливо что въ данной мнѣ инструкціи предписано отъ всякихъ умствованій удерживаться" [2]).

Мы приведемъ еще одинъ очень интересный фактъ. Если въ указанныхъ случаяхъ Академія имѣла столкновенія съ правительствомъ, то на этотъ разъ она нажила себѣ непріятности изъ-за Вѣдомостей отъ своего же сочлена, именно отъ академика Ломоносова, который самъ же пострадалъ отъ нападокъ на редакцію газеты. Но это не помѣшало ему требовать „штрафованія" редакціи по пустому дѣлу, которое Ломоносовъ старался раздуть въ государственное преступленіе, угрожавшее будто бы чести русской арміи.

---

[1]) *Сухомлиновъ*, т. IV.

[2]) *Билярскій*, стр. 36—7.

„Съ сожалѣніемъ я слышалъ—представлялъ Ломоносовъ въ Академію—что не токмо въ городѣ, но и при дворѣ Ея Императорскаго Величества знатные особы негодуютъ на канцелярію Академическую (за) несправедливый поступокъ, что она по сіе время не учинила изысканія и разсмотрѣнія о томъ, какимъ образомъ и отъ кого произошли непростительныя погрѣшности при переводѣ и печатаніи реляціи о взятіи Берлина, и не учинено виновнымъ въ томъ штрафа. Напротивъ же того корректора Барсова штрафовали за то, что сдѣлалъ ошибку при корректурѣ въ титулѣ знатнаго человѣка. И какъ сіе есть дѣло приватное, *а оные до чести и славы войскъ Ея Императорскаго Величества касаетца и требуется* стражайшаго изслѣдованія и штрафа". Въ виду опасности для чести войскъ онъ требуетъ „штрафованія" редакціи. Это свое ходатайство со ссылками на дворъ Ея Императорскаго Величества и на отвѣтственность самой канцеляріи Академіи Ломоносовъ возобновлялъ нѣсколько разъ.

Дальше этого уже кажется идти некуда. До такого абсурда можно дойти лишь при указанныхъ условіяхъ времени. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ объяснять домогательство Ломоносова враждой къ нѣмцамъ и особенно Тауберту, редактировавшему академическую газету.

5.

Что сказать о сферѣ вліянія академическихъ Вѣдомостей на русское общество? Въ первую половину 18-го вѣка наша газета не имѣла многихъ читателей и не оставила по себѣ сколько-нибудь замѣтнаго слѣда въ русскомъ обществѣ. Послѣднее еще само не вышло изъ поголовной неграмотности и не успѣло развить въ себѣ потребности къ чтенію, особенно газетъ. Однако и С.-Петербургскія Вѣдомости могли заинтересовать очень немногихъ; они могли быть интересными лишь для придворныхъ сановниковъ, такъ какъ тамъ часто сообщались свѣдѣнія изъ придворной жизни, для должностныхъ лицъ, такъ какъ тамъ помѣщались указанія, манифесты, новые законы и другія распоряженія, наконецъ, эту газету могли читать люди, интересующіеся жизнью иностранныхъ государствъ. Но такихъ было очень мало. Академія принимала съ своей стороны всѣ мѣры къ тому, чтобы улучшить свою газету и, аккуратно ее выпуская въ свѣтъ, распространить ее среди общества. Но ей удавалось лишь одно—аккуратное издательство газеты; улучшеній же за цѣлую четверть вѣка не замѣтно почти никакихъ. Такъ же мало ей удалось привлечь на нее подписчиковъ, а

съ этой стороны не мало было старанія. Очень рано Академія ходатайствуетъ передъ сенатомъ о томъ, чтобы всѣ правительственныя учрежденія выписывали Вѣдомости по указу сената. Въ 1728 году 12-го января Академія писала: „Понеже при Академической типографіи печатаются газеты (или куранты) на нѣмецкомъ, на латинскомъ и на Россійскомъ діалектахъ, съ иностранныхъ газетовъ; того ради Академія Наукъ покорно проситъ, дабы Высокій Сенатъ благоволилъ объявить въ коллегіяхъ и конторахъ указомъ Ея Императорскаго Величества, чтобы, ежели сблаговолятъ коллегіи для вѣдома брать, какъ отъ россійскихъ, такъ и нѣмецкихъ, отъ всякаго выхода по одному газету (sic), и за оные платить бы въ годъ по осьми рублевъ отъ каждой коллегіи“. Это ходатайство Академія повторяла не разъ съ большой настойчивостью; она дѣлала всякія льготы по уплатѣ подписной платы и даже уменьшала ее до половины.

Такъ въ письмѣ къ Кипріянову изъ Академіи находимъ напоминаніе о платѣ Академіи, при чемъ плата понижается до трехъ рублей въ годъ; „когда бъ по подданному отъ насъ доношенію о вѣдомостяхъ— пишутъ къ Кипріянову — такое рѣшеніе учинено было, чтобы всѣ коллегіи, канцеляріи, конторы и магистраты и въ завоеванныхъ провинціяхъ по экземпляру брали, при заплаченіи четырехъ, или хотя бы и трехъ рублевъ, то бъ мы нашу типографію скоро въ состояніе привели, отчего и самому народу великая польза быть имѣетъ. И такимъ образомъ можно онымъ часъ отъ часу охоту и желаніе къ наукамъ присовокупить“.

Не смотря на такія вѣскія доказательства и мотивы просьбы, или сенатъ не исполнялъ ея, или же коллегіи и конторы оставались глухи къ народной пользѣ и къ охотѣ къ наукамъ; по крайней мѣрѣ свое ходатайство Академія возобновляла въ 1732 и 1733 годахъ. Трудно сказать, по своему желанію или по указу сената, наконецъ, конторы и коллегіи стали получать академическую газету. Такъ въ 1743 году мы видимъ въ числѣ должниковъ Академіи за газету почти всѣ правительственныя учрежденія Петербурга и нѣкоторыя провинціальныя.

Не мало стараній приложила Академія къ тому, чтобы распространить свою газету и среди частныхъ лицъ. Въ 1728 года она публикуетъ, что ею заведена особая книга для того, „ежели кто пожелаетъ изъ любопытныхъ людей имѣть чрезъ весь нынѣшній 1728 годъ оные куранты, отъ перваго нумера до послѣдняго, въ каждую недѣлю по два выхода и оный да подпишется въ той книгѣ, чтобъ ему за оные куранты платить въ годъ по четыре рубля. И долженъ тотъ на первую

половину года напередъ заплатить два рубли, а остальные при окончаніи года два рубли жъ. Такожде и обычная реляція безденежно быть людямъ даваны будутъ“ [1]). Въ Петербургѣ Вѣдомости продавались на почтовомъ дворѣ и въ новой библіотекѣ, а позже въ академической книжной лавкѣ. Номера для продажи посылались и въ Москву. Въ апрѣлѣ 1728 года туда было послано 20 экземпляровъ по письму оберъ-секретаря И. Кирилова. При посылкѣ просили „ежели на оныя охотники сыщутся—продать. А мы здѣсь за цѣлый годъ беремъ по четыре рубли, а ремарки и что еще при томъ случится при оныхъ курантахъ, такъ отдаемъ. А ежели которыя по частямъ оныя покупаютъ, тѣмъ платить за всякую вѣдомость: за пол-листа — двѣ копейки, за три четверти—три копейки, за цѣлый листъ четыре копейки“. Тогда же Академія желала открыть свою лавку въ Москвѣ и даже „въ прочихъ мѣстахъ“, подъ которыми надо понимать большіе города, какъ Кіевъ и другіе. Объ этомъ планѣ идетъ рѣчь въ упомянутомъ только что письмѣ: „Мы думаемъ нынѣ прямую академическую книжную лавку какъ въ Москвѣ и въ прочихъ мѣстахъ завести. Впрочемъ прошу васъ, моего государя, о семъ мнѣ ваше мнѣніе открыть и въ семъ помоществовать, какъ оное учинить надлежитъ. А я уже прежде съ господиномъ оберъ-секретаремъ о семъ говорилъ“ [2]).

Но продажа Вѣдомостей, очевидно, въ Москвѣ пошла плохо, и осуществить этотъ планъ Академіи долго не удавалось. На это прямо указываетъ письмо Василія Адабурова изъ Москвы въ 1742 году. „Вѣдомостьми, пишетъ онъ, мы здѣсь такъ скудны, что оныхъ нигдѣ сыскать не можемъ. На почтовый дворъ приходятъ онѣ только для тѣхъ, которые ихъ нарочно выписываютъ; чего ради почелъ бы я то за многое отъ Вашего благородія одалженіе ежели бы ихъ здѣсь чрезъ ваше благодѣяніе получать могъ“.

На этотъ холодный пріемъ академической газеты Академія такъ жалуется Кипріянову: „Когда бы всѣ люди такое усердіе и инклимацію къ наукамъ имѣли, какъ ваше благородіе, то бы сихъ прошеній (о подпискѣ на Вѣдомости всѣми правительственными учрежденіями) и не надобно было; *но мало такихъ находится*“.

Вотъ каковъ пріемъ и успѣхъ должна была испытывать на издательскомъ поприщѣ Академія. Возможно-ли здѣсь говорить о какомъ-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, т. I, стр. 353.
[2]) *Сухомлиновъ*, т. V, стр. 103.

либо вліяніи газеты на общество или о какомъ-либо слѣдѣ, который можетъ оставлять въ наше время серьезный періодическій органъ въ такое продолжительное время, какъ 25 лѣтъ? Очевидно, нѣтъ. Ни вліянія, ни слѣда академическая газета не оставила по себѣ за этотъ промежутокъ времени. Не достаточно еще аккуратно выпускать номера, надо ихъ заполнить интереснымъ содержаніемъ и сумѣть заинтересовать читателя, а въ то время еще пробудить его, пріучить къ чтенію.

Это еще не лишаетъ права Вѣдомостей на свое значеніе въ исторіи нашей періодической печати и даже въ нашемъ просвѣщеніи. Вѣдь не надо забывать, что Вѣдомости времени Петра и С.-Петербургскія Вѣдомости за первыя 25 лѣтъ своего существованія составляютъ не только дѣтство, но даже младенческую пору нашей печати и нашего просвѣщенія, и, какъ таковыя, онѣ не могли имѣть большого вліянія, онѣ не могли даже имѣть большей аудиторіи. Но онѣ подготовили почву для лучшаго времени нашей періодической печати, ея дѣтскаго и юношескаго возраста, когда печать выросла изъ правительственныхъ пеленокъ и когда она вырвалась изъ узкихъ рамокъ и перешла въ частныя энергичныя и болѣе способныя руки. До этого момента ей нужно было завоевать себѣ еще право на существованіе и привить это право въ умы общества.

Въ этомъ значеніе періодической печати первой половины 18-го вѣка. Во второй половинѣ его печати уже не пришлось тратить на это время—она могла прямо приступить къ своему развитію, не боясь, что ея голосъ останется „вопіющимъ въ пустынѣ“.

6.

Однимъ изъ важныхъ успѣховъ періодической печати является удобопонимаемость текста, легкость чтенія, иначе сказать, доступность текста и простота слога, которымъ издается газета. Нельзя сказать, чтобы академическія Вѣдомости достигли этого въ разбираемый періодъ изданія, какъ и другія изданія Академіи. На это не безъ основанія роптала читающая публика. По свидѣтельству Миллера, напримѣръ, краткое описаніе Комментаріевъ Академіи Наукъ, изданное Академіей, „никто не хотѣлъ похвалить, *не умѣли понять что читали*, и свое неумѣніе *называли темнотою изложенія* и невѣрностью перевода“. Подобныя неудовольствія высказывались и на переводчиковъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. И послѣдніе во многомъ оставляли желать лучшаго.

Мы уже указывали, какой переворотъ долженъ былъ произойти въ языкѣ со вступленіемъ Россіи на новый путь, съ наплывомъ новыхъ понятій, представленій, новыхъ неизвѣстныхъ словъ и оборотовъ рѣчи. Этотъ переворотъ еще не былъ урегулированъ во время академической газеты, по крайней мѣрѣ за нѣсколько десятковъ лѣтъ ея изданія. И Академія Наукъ была безсильна его урегулировать и что-нибудь сдѣлать въ улучшеніи русскаго языка.

Дѣло въ томъ, что мѣсто, отведенное въ Академіи для историко-филологическихъ наукъ, было ничтожно, и онѣ подавлялись прикладными науками, а на ряду съ ними страна болѣе всего нуждалась въ историко-филологическихъ наукахъ, и скорѣе всего именно онѣ могли привиться въ обществѣ. Но Академія Наукъ была основана по проекту Петра, симпатіи котораго склонялись къ утилитарнымъ наукамъ; поэтому Академія сначала мало обращала вниманія на изученіе русскаго языка. Лишь по собственному почину академическихъ профессоровъ это изученіе нѣсколько двинулось впередъ. Танколь занялся церковно-славянской литературой, Байеръ, занимаясь изученіемъ Россіи, побуждалъ своего молодого адъюнкта къ занятіямъ славянскимъ и русскимъ языками. Студентъ Ададуровъ составилъ русскую грамматику, напечатанную въ видѣ прибавленія къ нѣмецко-русскому словарю въ 1731 году. Вотъ и все, что было предпринято къ усовершенствованію языка; эти личные почины были очень ничтожны, чтобы справиться съ переворотомъ. Лишь въ 1735 году при Академіи было образовано „Россійское собраніе" для очищенія и облагороженія русскаго слова. Потребность въ этомъ уже чувствовалась всѣми. 14-го марта въ первомъ засѣданіи собранія В. Третьяковскій сказалъ рѣчь, ярко рисующую намъ положеніе русскаго языка и его нужды. „При благосклонной державѣ — началъ онъ съ традиціонной хвалы монарху — сего дождались мы щастія, мои господа, что и совершенства Россійскаго языка попеченіе воспріемлютъ. Сіе дѣло не меньше полезное, коль трудное, главный въ сей Императорской Академіи командиръ остроумный, искусный и мудрый мужъ, на васъ полагаемъ, вамъ ввѣряемъ, и всего къ тому возможнаго прилѣжанія, къ вящщему прославленію Россійского народа и его слова, отъ васъ ожидаемъ. Однако сіе коль не полезно есть Россійскому народу, то есть возможное дополненіе языка, чистота, красота, и желаемое потомъ его совершенство, но мнѣ толь трудно быть кажется, что не страшитъ упаваю и васъ, мои господа, трудностію и тягостію своею. Не о единомъ тутъ чистомъ переводѣ степенныхъ, старыхъ и

новыхъ авторовъ дѣло идетъ, что и единно, и если собою колико проливаетъ пота извѣстно есть тѣмъ, которые прежде васъ трудилися въ томъ, а вамъ самимъ, которые нынѣ трудятся; но и о грамматикѣ доброй и исправной, согласной мудрыхъ употребленію, и основанной на ономъ, въ которой коль много есть нужды, толь много есть и трудности; но и дікціонаріѣ полномъ и довольномъ, который въ имѣющихъ трудиться васъ еще больше силы требуетъ, нежели въ баснословной Сизифъ превелiий оный камень, который онъ на высокую гору одинъ все хотя вскатитъ, съ самаго почитай верьха на низъ его не хотя опускаетъ; но и о Реторикѣ, и стіхотворной наукѣ, что все чрезъ мѣру утрудить васъ можетъ“ [1]).

Какъ видно, программа Россійскаго собранія намѣчалась очень обширная и работа ея членовъ не легкая, тѣмъ болѣе неотложная. Въ этомъ убѣждаютъ насъ только что приведенные отрывки рѣчи Третьяковскаго; нельзя сказать, чтобы она отличалась ясностью, простотой и чтобы нечего было требовать отъ ея автора въ этомъ отношеніи. Тяжелые и едва понятные для насъ періоды рѣчи не легки были и для современниковъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Однако Россійское собраніе не принесло пользы русскому языку—оно скоро прекратило свое существованіе „естественною смертью“. Позднѣе Ломоносовъ старался возвратить его къ жизни, но безъ успѣха. Такимъ образомъ русскій языкъ былъ оставленъ на разрѣшеніе судьбы и времени, и послѣдняго много потребовалось, чтобы довести рѣчь до настоящаго состоянія. Извѣстно, что главная заслуга нашихъ писателей 18-го вѣка заключается въ трудахъ по изученію и улучшенію языка. Въ первую же половину этого вѣка наша газета не могла не страдать отъ того состоянія языка, которое мы только что характеризовали. Сами редакторы Вѣдомостей сознавали, что слогъ ихъ газеты тяжелъ и требуетъ поясненій и поправокъ.

Большое значеніе для вліянія на общество газеты имѣетъ ея содержаніе. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ оно было немного богаче и обширнѣе, чѣмъ въ предшествующихъ, но все еще недостаточно. Для исторіи быта, нравовъ и внутренней жизни русскаго народа историкъ не найдетъ въ нихъ много матеріала. Но за то онъ будетъ въ болѣе счастливомъ положеніи, если пожелаетъ изобразить офиціальную жизнь государства, особенно атмосферу и бытъ русскаго двора, или политическую жизнь иностранныхъ государствъ и ихъ

---

[1]) *Куникъ*. Сборникъ матер. для ист. И. А. Н., т. I.

войнъ. Въ офиціальной жизни Россіи за описываемый періодъ совершилось много перемѣнъ важнаго свойства, имѣвшихъ большое вліяніе на ходъ развитія преобразованій Петра Великаго; жизнь текла далеко ненормальнымъ путемъ, и академическая газета, конечно, волей или неволей не могла не отражать на себѣ этой быстрой смѣны событій.

Мы, въ заключеніе, должны сказать, что Академія поддержала начатое Петромъ дѣло и спасла его; она не дала умереть совершенно періодической печати въ Россіи и всѣми средствами старалась ее развить.

Въ этомъ ея заслуга передъ русской газетой, печатью, просвѣщеніемъ и обществомъ.

III.

„Примѣчанія", первый русскій журналъ.

1.

Наша первая газета появилась волею великаго преобразователя. Нашъ первый журналъ могъ появиться лишь по почину частныхъ лицъ, хотя бы и входившихъ, какъ часть, въ правительственный аппаратъ. Такими лицами являлись профессора и адъюнкты Академіи Наукъ. Собственно они были тѣ же чиновники, тѣ же ставленники правительства; такъ смотрѣло на нихъ правительство, такъ принималось это и самими профессорами. Только въ ихъ вѣдѣніи была наука и народное просвѣщеніе.

Это положеніе членовъ Академіи Наукъ однако не отнимаетъ заслугъ у тѣхъ трудовъ и начинаній, которые были сдѣланы отдѣльными лицами. Особенно полезною и важною для нашего просвѣщенія дѣятельностью была дѣятельность адъюнкта Миллера. По его личному почину начался у насъ журналъ, играющій такую огромную просвѣтительную роль; благодаря неутомимой его дѣятельности совершилось развитіе нашего перваго журнала и завоевано было право періодической печати.

Намъ не разъ приходилось упоминать о „Примѣчаніяхъ" къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ. Ихъ-то и можно съ полнымъ правомъ назвать первымъ русскимъ журналомъ. Правда, издатель самъ не представлялъ себѣ ясно, для чего онъ издаетъ „Примѣчанія", но имъ была набросана очень широко ихъ программа, да и тотъ видъ, который они приняли, вполнѣ отвѣчаетъ задачамъ журнала, особенно

если принять во вниманіе время изданія и то, что это былъ лишь *первый* опытъ.

Происхожденіе „Примѣчаній" не оставляетъ никакихъ сомнѣній. Само ихъ названіе—мѣсячныя історическія, генеалогическія и географическія примѣчанія въ вѣдомостяхъ или просто Примѣчанія на Вѣдомости (при Вѣдомостяхъ)—уже показываетъ, что они призывались на служебную роль: служить поясненіемъ неясныхъ или незнакомыхъ мѣстъ, встрѣчавшихся въ текстѣ Академической газеты. Такъ это первоначально понималось редакторомъ газеты Миллеромъ. Объ изданіи „Примѣчаній" онъ доводитъ до свѣдѣнія лишь „охотниковъ Россійскихъ Вѣдомостей"; въ предисловіи на второй годъ цѣль „Примѣчаній" онъ видитъ въ томъ, „чтобъ оными публичныя Вѣдомости нашимъ читателемъ толь лучше и вразумительнѣе изъяснять"... Еще въ Вѣдомостяхъ времени Петра намъ приходилось отмѣчать нерѣдкіе случаи поясненія текста или какихъ-либо его словъ, но эти поясненія были случайны и малы, читателю же было очень трудно оріентироваться въ новыхъ свѣдѣніяхъ и разобраться въ новыхъ словахъ. Недостатокъ самыхъ необходимыхъ знаній очень чувствовался среди читателей газеты, черпавшей матеріалъ изъ иностранной печати. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ и чтобы облегчить трудъ читателя, Миллеръ и задумалъ издавать „Примѣчанія".

Задуманныя такъ скромно, „Примѣчанія" въ своемъ исполненіи разрослись до крупныхъ размѣровъ и заняли почетное мѣсто въ исторіи русской періодической печати и просвѣщенія.

Уже въ первый годъ изданія Миллеру удалось помѣстить довольно обширныя статьи, интересныя по содержанію. Статьи эти знакомили большею частью съ жизнью иностранныхъ государствъ и были цѣлымъ откровеніемъ для русскаго читателя. На второй годъ Миллеръ могъ уже издавать при каждомъ номерѣ газеты по два раза въ недѣлю по листу, изъ четырехъ, а иногда и болѣе страницъ. Всего за второй годъ „Примѣчанія" занимаютъ 416 страницъ, вмѣсто 96 въ первый годъ изданія. Скоро Миллеру удалось вокругъ себя собрать дѣятельныхъ сотрудниковъ изъ членовъ Академіи, и „Примѣчанія" могли еще болѣе расширить свою программу. Вотъ какъ Миллеръ оповѣщалъ своихъ читателей объ этомъ преобразованіи: „что до сихъ поръ нашихъ трудовъ касается, то издавали мы мѣсячныя примѣчанія уже въ прошломъ году и были намѣрены оные по воспріятому обыкновенію и впредь непремѣнно производить. Но понеже до оныхъ многіе охотники нашлись, которые желаютъ, чтобы оные такожде и

на нѣмецкомъ языкѣ читать возможно было, то воспріять намѣреніе, желаніе оныхъ, не смотря на всѣ помянутыя трудности, исполнить, и отъ нынѣшняго времени повсенедѣльно дважды по половинѣ листа оныхъ примѣчаніевъ издавать. Ко исполненію сего намѣренія собрались разные персоны, изъ которыхъ всякой трудиться будетъ къ пользѣ и къ удовольствію читателей нѣчто сообщать. И тако не имѣемъ причины опасаться, чтобъ намъ въ томъ какой недостатокъ приключиться могъ, понеже мы оные *такъ распространить намѣрены*, что нетокмо, какъ въ протчемъ обыкновенно, новую политическую історію, генеалогію и географію изъяснять, но и во всемъ протчемъ, что токмо въ вѣдомостяхъ приключиться можетъ, на наше мнѣніе объявлять будемъ, мы не будемъ стужать, временемъ на древніе и средніе времена обращаться, и о тогдашнемъ состояніи государствъ, земель и высокихъ фамилиевъ разсматривать. Такожде не оставимъ при данномъ случаѣ изъ разныхъ частей натуральный, церковный и ученной історіи многое прибавлять, что мы нашимъ читателемъ пріятнаго и полезнаго извѣщаемъ". Какъ видно, Миллеръ задавался широкой программой, которую онъ обѣщалъ исполнить въ „Примѣчаніяхъ". Одно исключалъ онъ изъ программы нашего перваго журнала, что впослѣдствіи стало едва ли не главнымъ матеріаломъ и не лучшей заслугой нашихъ журналовъ, это „такъ имянуемые резонементы или разсужденія". Какъ мы уже видѣли, время было таково, что журналъ могъ быть исключительно научнымъ, какъ газета—лишь сборникомъ краткихъ сообщеній. Миллеръ откровенно предупреждаетъ читателя о программѣ журнала, „чтобъ отъ насъ такъ имянуемые резонементы или разсужденія не ожидать, какія на другихъ мѣстахъ со оными примѣчаніями сообщать обыкновенно есть. Сіе есть нашему намѣренію противно, которое токмо труды склоняется, чтобъ оными публичныя вѣдомости нашимъ читателемъ толь лучше и вразумительнѣе изъяснять".

Но съ первыхъ же номеровъ „Примѣчаній" стало ясно, что Вѣдомости являются лишь поводомъ къ выполненію приведенной обширной программы научнаго журнала. Это скоро почувствовалось читателями и созналось авторами. Такъ въ 1733 году въ „Предсказаніи" (т. е. предисловіи) „сочинители примѣчаній" сочли нужнымъ объяснить планъ изданія журнала слѣдующимъ образомъ. „Мы нѣкоторые члены Академіи, которыхъ должность есть всѣми надлежащими средствами о распространеніи наукъ въ такомъ народѣ, въ которомъ она еще предъ нѣсколькими не многими годами въ возращеніе пришла, стараніе

имѣть и наши примѣчанія ни для какого иного конца не выдаются, какъ для сегожъ. И такъ всякъ самъ легко увидѣть можетъ, что мы отъ другихъ, надъ вѣдомостьми равныхъ же трудъ имѣющихъ, весьма различествуемъ, и по сему основанію никому сіе дивно не покажется, хотя бы кто и малѣйшее разсужденіе употребилъ, что части матеріи отъ части переведенныя, а отъ части отъ насъ самихъ здѣланныя находятся, но которыя, какъ мы въ томъ сами признались, либо весма никакого либо очень малое сходство съ вѣдомостьми имѣютъ. Понеже Академія Наукъ распространеніе высочайшихъ частей науки, что не всякаго человѣка дѣло есть другимъ родомъ писанія, на латінскомъ языкѣ, свѣту сообщаетъ: то осталось намъ къ описанію въ нашихъ листочкахъ отъ части многаго размышленія, искусствомъ вѣдомыя, а отчасти такія истины, которыя легко понять можно".

Такимъ образомъ „Примѣчаніями" ставится задача не пояснять текстъ Вѣдомостей, а популяризировать науку. Страна наша болѣе, чѣмъ въ другомъ, нуждалась въ просвѣщеніи, и Академія, трудясь надъ „высочайшей" наукой, старается распространить среди общества „такія истины, которыя легко понять можно". При этомъ академики не рѣшаются еще покинуть заведенный пріемъ пріурочивать статьи „Примѣчаній" къ тексту газеты, но они признаются, что онъ весьма часто нарушался. Но хотя бы онъ и не нарушался, это еще не указываетъ на зависимость „Примѣчаній" отъ газеты и на ихъ служебную роль. Что, напримѣръ, общаго между сообщеніемъ о прибытіи кораблей Остендской компаніи въ Голландію и исторіей возникновенія этой компаніи и ея могуществомъ въ торговомъ мірѣ? Или что общаго между извѣстіемъ о рѣшеніи нашими академиками задачи, предложенной Парижской академіей, и исторіей академіи, начиная съ Платона, „прадѣда всѣхъ философовъ", которую даютъ „Примѣчанія"? Или между извѣстіемъ о покупкѣ купцомъ египетской муміи и цѣлымъ трактатомъ о муміяхъ и іероглифахъ и т. д.

Между поводомъ для статьи и ея развитіемъ было очень мало общаго или даже ничего. Отсюда ясно, что „Примѣчанія", задуманныя съ цѣлью пояснять академическую газету, очень скоро превратились въ самостоятельный органъ, цѣлью котораго было популяризировать науку и вообще различныя знанія.

2.

Выпуская свои „Примѣчанія", издатель еще не зналъ, какъ приметъ его труды читатель, и угодитъ ли онъ ему. Такъ заключаетъ свое

предисловіе Миллеръ не разгаданнымъ предположеніемъ: „Любезный читатель, ты будешь оные употреблять по твоему соизволенію, изволишь ли оные того удостоить, чтобъ тебѣ оными нѣсколько праздныхъ око мгновенея препровождать, или ты оные къ чему послѣднѣйшему употреблять изволишь. Оные рекомендовать разсудили мы запотребно, понеже всякіи пользу такихъ трудовъ самъ отъ себя увидитъ. И тако можемъ мы тебя сими вмѣсто предисловія удовольствовать, вручая себя твоей любви и склонности, а въ протчемъ ничего болѣе не желаемъ, какъ всякому угоднымъ быть“.

Это свое намѣреніе Миллеръ и его преемники осуществляли, руководясь умственными потребностями читателя; а онѣ сводились къ сообщенію историческихъ, географическихъ и другихъ свѣдѣній, къ ознакомленію читателя съ жизнью естественнаго міра, явленія котораго толковались исключительно съ суевѣрной точки зрѣнія; подобныя толкованія нуждались въ опроверженіяхъ и объясненіяхъ естественныхъ явленій, по выраженію „Примѣчаній“, „подлинныхъ тому причинъ по естественнымъ законамъ и по свойству тѣлъ“.

Словомъ, „Примѣчанія“ съ большимъ достоинствомъ могли исполнять ту задачу, которая имъ была поставлена издателями, а послѣдніе могли вполнѣ разсчитывать отъ современниковъ на благодарность, которую не можемъ не воздать и мы. Своимъ серьезнымъ трудомъ по изданію „Примѣчаній“ издатели принесли огромную пользу Россіи; это подтверждаетъ тотъ успѣхъ, которымъ пользовались „Примѣчанія“, о чемъ мы скажемъ ниже. Теперь же мы должны отмѣтить тѣ перемѣны, которыя произошли въ „Примѣчаніяхъ“ за послѣднее время ихъ существованія. Уже въ 1733 году въ инструкціи Академіи наукъ Кейзерлинга дается совѣтъ помѣщать статьи съ нравственнымъ или нравоучительнымъ содержаніемъ; „съ нравственнымъ направленіемъ предпочтительнѣе“, говорится въ упомянутой инструкціи. Этого предпочтенія замѣтить нельзя; очевидно, его не дѣлали; но въ это время ввели новую часть, именно литературную, помѣщая стихотворенія и прозаическія описанія празднествъ при дворѣ. Это было цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для „Примѣчаній“. Литература тогда не могла не носить характера официальности. Она была у насъ еще въ зародышѣ. Поэтому эта литература, хотя и не выходила изъ предѣловъ панегирическаго сочинительства различныхъ „символовъ“, аллегорій для „торжественныхъ вратъ“ или фейерверковъ, сожигаемыхъ при дворѣ, не могла пройти незамѣтной, и появленіе ея на страницахъ перваго журнала надо только привѣтствовать. Это появленіе, надо сказать, первое;

чуть ли не здѣсь произошло зарожденіе нашей литературы. Здѣсь начали печататься первые русскіе писатели — Третьяковскій, Ломоносовъ и др. Оставляя подробности для другого мѣста, мы замѣтимъ, что труды этихъ писателей, предназначаемые „къ пользѣ и удовольствію“ читателя, приносили ему и пользу и удовольствіе. Такимъ образомъ „Примѣчанія“ становились не только научнымъ, но и литературнымъ журналомъ, поскольку можно усматривать въ то время зарожденіе нашей литературы.

Единственно, что не подходило къ программѣ журнала—это помѣщенныя въ послѣднее время его существованія различныя донесенія съ театра войны. Ихъ помѣщали здѣсь за неимѣніемъ мѣста на страницахъ газеты; но и они лишь могли увеличить вниманіе къ „Примѣчаніямъ“ и такимъ образомъ увеличить ихъ значеніе, такъ какъ такое событіе, какъ война, такое сообщеніе, какъ донесеніе съ театра военныхъ дѣйствій, могли скорѣе заинтересовать русскаго читаталя.

Легко видѣть изъ сказаннаго, что „Примѣчанія“, сообщая читателю злобу дня, давая ему плоды литературнаго творчества, служили главнымъ образомъ цѣлямъ самообразованія, замѣняя недостаточность школы, отсутствіе учебниковъ и вообще книгъ учебно-научнаго содержанія. Эту сторону „Примѣчаній“ особенно ясно оттѣняютъ переизданія ихъ много лѣтъ спустя. Значитъ, была потребность въ обществѣ въ сообщаемыхъ въ „Примѣчаніяхъ“ свѣдѣніяхъ, она чувствовалась въ продолженіе всего XVIII вѣка. Отсюда и тотъ продолжительный успѣхъ, которымъ „Примѣчанія“ пользовались.

Говоря объ успѣхѣ „Примѣчаній“, его можно легко смѣшать съ тѣмъ количествомъ, въ которомъ ихъ номера расходились среди читателей; а между тѣмъ это далеко не все равно. „Примѣчанія“ дѣйствительно нравились и имѣли успѣхъ у читателя даже больше, чѣмъ сами Вѣдомости, къ которымъ они были приложеніемъ. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство Миллера, который со второго года благодаря успѣху сталъ издавать примѣчанія и на нѣмецкомъ языкѣ. Въ другомъ мѣстѣ, въ предисловіи къ „Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ“, онъ потверждаетъ это же самое: „Многіе и понынѣ—пишетъ онъ—съ удовольствіемъ читаютъ оныя примѣчанія, которыя съ 1729 по 1742 годъ отъ нѣкоторыхъ здѣшней академіи членовъ, при вѣдомостяхъ издаваны были“. На это указываетъ письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 1754 года, гдѣ говорится, какъ трудно найти „примѣчанія“ и какъ важно было бы издавать вновь подобный періодическій органъ. „По приказу вашего превосходительства — пишетъ

Ломоносовъ — старался я достать примѣчанія на Вѣдомости, *но получить ихъ не могъ. Уже многіе и за нѣсколько лѣтъ ихъ спрашиваютъ; однако сыскать не могли,* за тѣмъ, что ихъ по малу было печатано и не по мѣрѣ Россійскаго государства, а особливо нынѣ, узнавъ нашъ народъ пользу наукъ, больше такія книги хронитъ для ихъ рѣдкости. Господинъ совѣтникъ Нартовъ сказалъ, что у него есть, только не переписанныя и не въ одномъ мѣстѣ между политическими разсѣянныя, и обѣщается собрать для вашего превосходительства. Я уповаю не лутче-ли поискать у приватныхъ охотниковъ въ Москвѣ на время, пока для вашего превосходительства собственно здѣсь пріслучится. Весьма было бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы въ Академіи начались подобныя симъ періодическія сочиненія“ [1]).

Мы нарочно привели здѣсь почти цѣликомъ письмо Ломоносова, такъ какъ оно очень интересно въ разрѣшеніи поднятаго вопроса. Въ немъ мы видимъ, что среди читающей публики, которая все больше и больше нарождалась и которая сознала „пользу науки“, ощущалась потребность въ „Примѣчаніяхъ“; этимъ же объясняется хотя бы письмо самого Ломоносова; изъ письма же видно, что „Примѣчаній“ несомнѣнно не было въ употребленіи. Ихъ не было, во-первыхъ, потому, что многіе берегли у себя, какъ драгоцѣнность, а во-вторыхъ, потому, что *„что по малу было печатано и не по мѣрѣ Россійскаго государства“*. Иначе не могло и быть. Вѣдь „Примѣчанія“ были *безплатнымъ приложеніемъ* къ академической газетѣ, а послѣдняя, какъ мы видѣли, не имѣла много подписчиковъ. Поэтому и „Примѣчанія“ расходились въ очень ограниченномъ количествѣ и скоро сдѣлались библіографической рѣдкостью.

Это обстоятельство не можетъ намъ говорить, что „Примѣчанія“ не имѣли успѣха; оно можетъ только показывать, что въ то время было вообще мало читателей. А что „Примѣчанія“ нравились читателю и пользовались у него извѣстнымъ авторитетомъ, что читатель прислушивался и уважалъ голосъ „Примѣчаній“, убѣждаетъ насъ слѣдующее письмо Татищева отъ 1731 года въ редакцію: „Мой государь... Прежде отъѣзда моего, по случаю бывшей здѣсь жестокой погоды, которою домъ въ Москвѣ и одну деревню въ близости сожгло, и нѣколико человѣкъ убило, случился о причинѣ онаго разговоръ, и кто что зналъ случаяхъ сказывалъ отъ гисторей, яко то: шпага растопи-

[1]) *Билярскій*, стр. 250.

лась, а ножны цѣлы, и прочая, тому подобная. Нѣкоторые весьма желали вѣдать причинъ оныхъ доказательства отъ физики, о которомъ я что малое отъ читанія упамятовалъ-доносилъ. Однакожъ двѣ персоны, изъ первыхъ, просили, дабы въ Академію наукъ отписать съ прошенісмъ отъ нихъ о томъ достойнаго истолкованія въ „Примѣчаніяхъ" или особо, напечатавъ, издать. При томъ же князь Трубецкой спрашивалъ у меня докончанія „Разсужденія о мамонтѣ", на которое я ничего извѣстнаго донести ко удовольствованію его вещелюбія не могъ, хотя архіепископъ Новогородскій его свѣтлости нѣчто отъ его разсужденія объявилъ. Того ради прошу о томъ въ Академіи предложить, и что опредѣлятъ меня увѣдомить, дабы ихъ также безъ отвѣта не оставить" [1]). Изъ этого письма видно, что читатели живо интересовались „Примѣчаніями"; изъ него же видно, что читатели ихъ принадлежали къ высшимъ слоямъ русскаго народа. Кругъ читателей былъ очень небольшой и долгое время не выходилъ за предѣлы придворныхъ сферъ, „первыхъ особъ", князей Трубецкихъ и т. п. Мы перечислимъ всѣхъ читателей, если къ нимъ еще прибавимъ членовъ Академіи. Со временемъ, съ распространеніемъ образованія, кругъ этотъ расширялся и русскій народъ узналъ „пользу наукъ" по выраженію Ломоносова.

Русскій народъ проснулся, вышелъ изъ дѣтскихъ пеленокъ и сдѣлался ученикомъ. Но у него не оказалось учебниковъ, пришлось обратиться къ „Примѣчаніямъ", и они-то оказались лучшимъ пособіемъ для самообразованія. Они стали ходить изъ рукъ въ руки, ими положительно зачитывались и берегли какъ рѣдкость. Это случилось уже послѣ того, какъ „Примѣчанія" прекратили свое существованіе, а на ихъ мѣсто ничего новаго не появлялось. Въ это-то время они „такъ умалились, что не безъ трудности ихъ сыскать можно". Не напрасно Ломоносовъ хлопоталъ издавать „періодическія сочиненія подобныя симъ", а изданіе „Примѣчаній" въ выдержкахъ, сдѣланное Миллеромъ въ 1765—1766 годахъ [2]), было встрѣчено болѣе чѣмъ со-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, т. II, стр. 62—3. Просьба „первыхъ" особъ была исполнена, и въ томъ же году мы находимъ рядъ статей подъ заглавіемъ: О громовой погодѣ (о громѣ), именно въ 74, 75, 88, 89 номерахъ „Примѣчаній. Продолженіе же „Разсужденія о мамонтѣ" было помѣщено въ 100 и 101 частяхъ за 1732 годъ; начало было напечатано въ 1730 году въ цѣломъ рядѣ статей подъ названіемъ „О мамонтовыхъ костяхъ".

[2]) Это изданіе принадлежитъ несомнѣнно ему, такъ какъ оно печаталось въ

чувственно. Изъ предисловія редактора достаточно ярко видно, какая сильная была потребность въ „Примѣчаніяхъ“. Въ немъ онъ пишетъ: „Хотя предлагаемыя въ сей книжкѣ разсужденія и извѣстія не вновь сочинены, однако тѣмъ не меньше достойны вниманія. Ибо оныя заимствованы изъ такихъ сочиненій, въ которыхъ оказанное искусство и тщаніе *всегда и отъ всѣхъ заслуживало особливое почтеніе и похвалу*, именно-жъ изъ извѣстныхъ называемыхъ такъ примѣчаній Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ. Причина-жъ сего изданія есть та, что съ 1740 года [1]) ихъ больше издаваемо не было, а прежнія до того изданныя такъ умалились, что не безъ трудности ихъ сыскать можно. А какъ оныя по большей части весьма полезнаго содержанія: того ради за нужное разсуждено наилучшія изъ нихъ для любопытныхъ читателей вторично въ печать издать“. Кромѣ удовлетворенія насущной потребности, издатель доставлялъ читателю „ту выгодность, какъ онъ говорилъ, что по избранію своему, проходя одну матерію безпрерывно, читатели удобнѣе могутъ оную понять и затвердить въ памяти“ [2]).

3.

Возникли „Примѣчанія“ по личному почину Миллера; первый померъ ихъ былъ напечатанъ 23-го февраля 1728 года въ академической типографіи.

Это замѣчательный день русской журналистики подобно тому, какъ 2-го января 1703 года замѣчателенъ для русской газеты; онъ положилъ начало нашимъ журналамъ, ставшимъ довольно многочисленными и необыкновенно „пухлыми“. Въ нихъ нашла себѣ пріютъ умственная жизнь и политическія стремленія русскаго народа, въ нихъ выливалось все его творчество какъ въ области литературы, такъ и науки.

По указанному характеру „Примѣчаній“, они были безплатнымъ приложеніемъ къ академической газетѣ и выходили первый годъ ежемѣсячно. Такую публикацію мы находимъ о Примѣчаніяхъ отъ 13-го апрѣля 1728 года: „Охотникамъ Россійскихъ Вѣдомостей чрезъ сіе извѣстно чинится, что понынѣ на всякій мѣсяцъ листъ історическихъ,

---

Москвѣ, гдѣ въ это время жилъ Миллеръ, и такъ какъ именно къ этому времени онъ кончилъ издавать „Ежемѣсячныя Сочиненія“.

[1]) Здѣсь ошибка: „Примѣчанія“ прекратились въ 1742 году.

[2]) *Неустроевъ*. Историч. изысканія стр. 102.

генеалогическихъ и географическихъ примѣчаній въ Вѣдомостяхъ на русскомъ языкѣ изданы, которые въ Академической конторѣ Вѣдомостей и на почтовомъ дворѣ получить можно, и будутъ оные и впредь по вся мѣсяцы издаваны, и тѣмъ, которые Россійскія Вѣдомости по всегодно держатъ, при окончаніи мѣсяца безъ денежно раздаваны" [1]).

Въ слѣдующемъ году и до окончанія изданія „Примѣчанія" выходили по два раза въ недѣлю по четыре, а иногда и болѣе страницъ. Въ такомъ видѣ они дожили до 1742 года, не выходя, однако, въ теченіе одного года (1737) [2]).

Уже Миллеру удалось собрать вокругъ себя помощниковъ по изданію „Примѣчаній" изъ членовъ Академіи, а его преемникъ Крамеръ привлекъ къ нимъ лучшія силы; среди нихъ были Бекенштейнъ, Ейлеръ, Гмелинъ, Крафтъ, Вейбрехтъ, Штелинъ, Рихманъ, Бремъ— все выдающіеся профессора и адъюнкты современной „Примѣчаніямъ" Академіи. Образовалось цѣлое общество, по выраженію Миллера, которое по субботамъ, вечеромъ, собиралось у Шумахера, и здѣсь обсуждались статьи для слѣдующихъ выпусковъ. По этому поводу Миллеръ говоритъ, что „благодаря многочисленности и разнообразію разбираемыхъ предметовъ „Примѣчанія" сдѣлались чѣмъ дальше, тѣмъ излюбленнѣе". Къ этимъ извѣстнымъ членамъ Академіи присоединялись еще и неизвѣстные по своимъ именамъ; такими были переводчики. Ихъ работа, несомнѣнно, имѣетъ большое значеніе для перваго русскаго журнала. Дѣло въ томъ, что, за скудостью въ оригинальныхъ русскихъ произведеніяхъ, переводная литература—будь то беллетристика или научныя статьи—въ Россіи 18-го вѣка играла немаловажную роль и имѣла большую долю вліянія и на словесность и на просвѣщеніе. Въ то время обязанность переводчика была труднѣе и почетнѣе, чѣмъ теперь. Труднѣе потому, что тогда русскій литературный языкъ только что начиналъ образовываться, и не существовало почти совсѣмъ сколько-нибудь сносныхъ пособій для изуче-

---

[1]) См. Вѣдомости 1728 года 13-го апрѣля.

[2]) Неустроевъ говоритъ, что ему не удалось найти номеровъ за этотъ годъ. Оно и не удивительно: „Примѣчанія" по свидѣтельству Миллера не выходили. „До сихъ поръ, пишетъ онъ въ 1736 году, Примѣчанія съ самаго начала ихъ выходили безпрерывно, но съ 19-го апрѣля онѣ начали прерываться. Такимъ образомъ томъ этого года содержитъ всего не болѣе 36 номеровъ. Довольно продолжительное время онѣ совсѣмъ не издавались, пока вновь не начались съ 1738 года". Миллеръ. Т. 5, стр. 438.

нія иностранныхъ языковъ. Мы видѣли, какимъ труднымъ дѣломъ представлялъ Третьяковскій въ своей рѣчи занятіе переводами. Почетнѣе — такъ какъ переводчикъ оказывалъ рѣдкую услугу, когда знакомилъ читателей съ произведеніями недоступныхъ для большинства читателей иностранныхъ литературъ въ переводахъ, переданныхъ хорошимъ языкомъ и близкихъ къ подлиннику. Несомнѣнно, значеніе нашей первой газеты состояло, между прочимъ, въ томъ, что она знакомила съ жизнью Запада, на который тогда у насъ смотрѣли, какъ на „исчадіе ада", отъ знакомства съ которымъ каждому грозитъ погибель. Это знакомство происходило при посредствѣ переводчиковъ, переводившихъ весь текстъ газеты. Такое значеніе за переводчиками несомнѣнно остается и во времена „Примѣчаній". Періодическая печать многимъ обязана академическимъ переводчикамъ— это были неизвѣстные никому труженики, бѣдственное положеніе которыхъ мы уже отмѣтили выше [1]).

Кромѣ этихъ обязательныхъ сотрудниковъ, надо упомянуть и добровольныхъ, которые помѣщали свои работы въ журналѣ. Такимъ былъ, напримѣръ, Кириловъ; его проситъ редакторъ увѣдомить, „какимъ образомъ изъ онаго камня въ Сибири дѣлается, дабы мы оное въ будущихъ „Примѣчаніяхъ" употребить могли" [2]).

Наконецъ, мы не можемъ не отмѣтить того, что въ „Примѣчаніяхъ" участвовали наши первые свѣтскіе писатели, составлявшіе цвѣтъ русской литературы 18-го вѣка. Это были Третьяковскій и Ломоносовъ. Оба они пробовали здѣсь свои силы и помѣщали свои оды на придворныя празднества, на тотъ міръ, изъ круга котораго долго не могла выйти фантазія поэтовъ этого времени.

Примѣчанія были освобождены отъ всякой цензуры; это произошло послѣ запроса Шумахера у „высокаго сената оберъ-секретаря Ивана Кирилловича": „надлежитъ ли Академіи Наукъ для опробаціи святѣйшему Синоду предложить сочиненныя на газеты историческія истолкованія, германо-россійскій лексиконъ и грамматику. И на оное ему отъ онаго оберъ-секретаря объявлено, что, по мнѣнію его, означенный лексиконъ, грамматику и протчее для опробаціи оному святѣйшему синоду предлагать не надобно" [3]).

---

[1]) См. *Пекарскій*. Редакторъ, сотрудникъ и цензура въ рус. журн. С.-Пб. 1867 г., стр. 2 и 3.

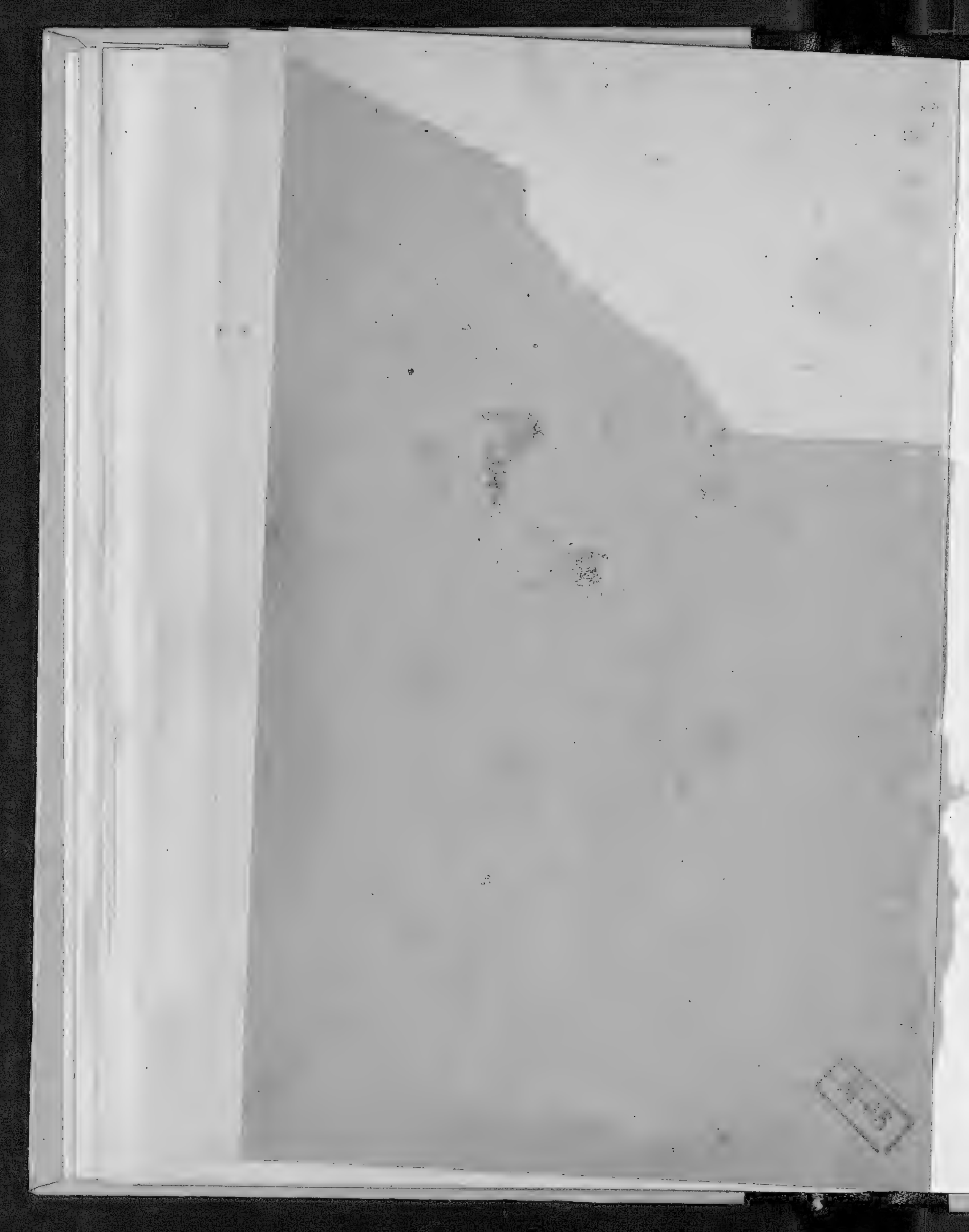
[2]) *Сухомлиновъ*, т. I, стр. 388.

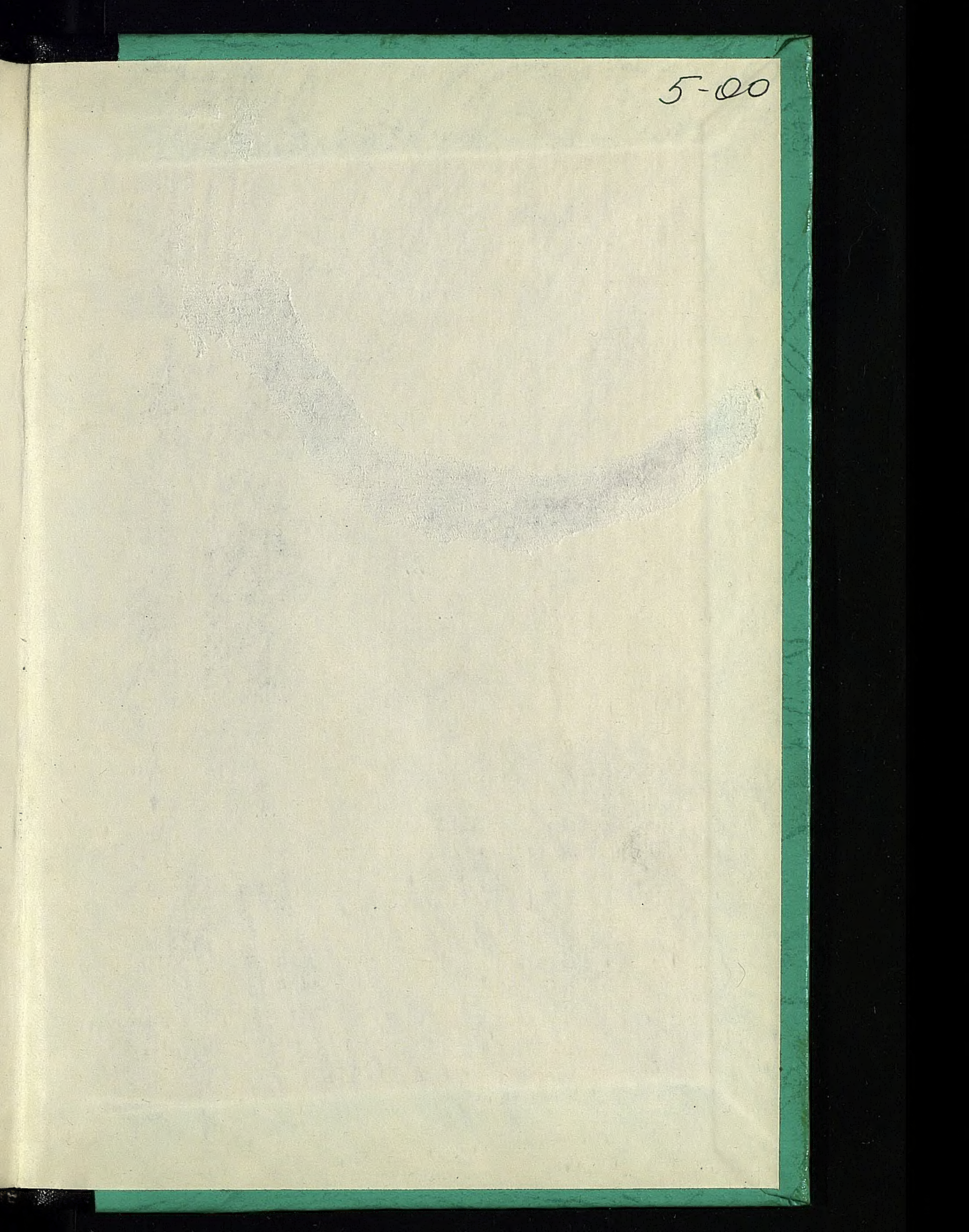
[3]) *Сухомлиновъ*, т. I, стр. 354—5. По указу всѣ изданія Академіи должны были цензуроваться въ Синодѣ.

Позже Примѣчанія должны были по инструкціи Кейзерлинга цензуроваться въ самой Академіи. § 2 инструкціи говоритъ: „Съ примѣчаніями должно поступать также, какъ съ газетами, то-есть до напечатанія должны быть принесенными въ канцелярію и процензурованы присутствующими членами. И такъ какъ 5 старшихъ членовъ Академіи могутъ быть заняты, то могутъ остальные члены, а также гг. адъюнкты означенныя примѣчанія между собою раздѣлить и возвращать въ канцелярію для дальнѣйшаго назначенія“.

Припомнивъ тѣ случаи, которые вызвали недоразумѣнія цензурнаго характера съ академической газетой, мы не можемъ думать, чтобы Академіи мало было хлопотъ съ Примѣчаніями. Конечно, въ нихъ могло быть еще меньше поводовъ къ недоразумѣніямъ, но вѣдь и въ газетѣ-то въ сущности ихъ не было.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

5-00

